Четыре года спустя

Автор:
Моника Мерфи

Четыре года спустя

Моника Мерфи

Main Street. Коллекция «Скарлет»Девушка на неделю #4

Может быть, мне нужно принять это и быть готовой к тому, что в конце концов он бросит меня и пойдет дальше. Это в его стиле. У него никогда не было постоянной девушки; он сам не раз об этом говорил. Что же мне делать?

Нужно запереть свое сердце. Не впускать туда его.

Но боюсь, уже слишком поздно. Он там, и мне не изменить это. Во всяком случае, в ближайшее время.

Да я и не хочу.

Моника Мерфи

Четыре года спустя

Monica Murphy

FOUR YEARS LATER

Copyright © 2016 by Monica Murphy

© Вакуленко Н., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Все права защищены.

* * *

«Люди плачут не потому, что они слабые, а потому, что были сильными слишком долго».

– Джонни Депп

Глава 1

«Неважно, что люди думают о тебе. Важно лишь то, что ты сам о себе думаешь».

– Неизвестный

ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

Оуэн

Я жду в коридоре, сидя в кресле с опущенной головой, и разглядываю свои потертые черные кеды. Закрытая стеклянная дверь слева от меня совсем непрозрачная, но я знаю, кто находится внутри. До меня доносится низкий гул голосов, а я не могу разобрать ни единого слова.

Неважно. Я знаю, они говорят обо мне.

Мой куратор. Мой тренер. Моя сестра. Мой зять. Они все там, внутри, говорят о моем будущем или его отсутствии.

Запрокинув голову, я смотрю в потолок, удивляясь тому, что, черт возьми, я здесь делаю. Еще буквально пару лет назад жизнь была хороша. Да уж, а прошлым летом она была просто прекрасна. Я был в команде. Мчался по полю, словно пятки горели огнем; меня было не остановить. Тренер был мной доволен, с широкой улыбкой он говорил мне, что я прямо как Дрю.

Так-то. Я чертовски гордился этим. Я просто боготворю зятя. Рядом с ним я чувствую себя защищенным. Он понимает меня так, как никогда не смогла бы понять Фэйбл. Не то чтобы она не пытается, но она все же девушка, и у нее не очень-то выходит.

От мысли о девушках мое сердце словно каменеет. Оно становится твердым, глухим и непробиваемым. Я не был с девушкой уже… не знаю. Несколько недель? Как мне не хватает их улыбок, смеха, прерывистого дыхания, когда я погружался в их гладкие глубины и целовал их. Я скучаю по нежной девичьей коже и тому, как легко все было: одежда сброшена на пол, руки и ноги переплетены в порыве страсти.

Быть в футбольной команде означало получать все, что только можно пожелать. Но без хороших оценок мне не видать места в команде. Если не брошу курить травку, то вылечу из нее. Если еще хоть раз меня заметят со спиртным в баре, пока не достигну совершеннолетия, то я определенно распрощаюсь с этой треклятой командой навсегда. Никаких поблажек, детка.

Никто из нас не следует предписанным командой правилам.

Стеклянная дверь распахивается, и выглядывает мой студенческий куратор. Она мрачнее туче, и, скользнув по мне отсутствующим взглядом, она говорит, что теперь я могу войти.

Я молча встаю и, еле волоча ноги, вхожу в комнату; я не в силах поднять глаза из страха прочесть на их лицах разочарование. Единственный, на кого я могу

посмотреть, – это Дрю, в его взгляде столько сочувствия, что я почти готов кинуться ему на шею и умолять все исправить.

Но это невозможно. Я уже здоровый парень – по крайней мере, так говорит мама.

Черт. Это мой самый большой секрет. Мне трудно даже думать о ней, тем более когда рядом сидит Фэйбл. Она бы сошла с ума, если бы узнала правду.

Но она не знает. Никто не знает, что мама вернулась в город и умоляет меня помочь ей. Она просит раздобыть травку, и я достаю. За это она платит мне пивом, от которого я не отказываюсь. Я отдаю ей все свои свободные деньги.

Я подрабатываю официантом в «Квартале», когда нет занятий и тренировок или я не занят уроками, которые, черт возьми, должен делать. У меня приличный заработок, плюс футбольная стипендия; Дрю играет в Национальной футбольной лиге, и, слава богу, у них с Фэйбл нет никаких проблем. Они живут в Бэй Ареа[1 - Bay Area. Район залива в Сан-Франциско, Калифорния.], он играет за «Фотинайнерз»[2 - 49ers, Сан-Франциско – профессиональная команда по американскому футболу. С 1988 года базируется в Санта-Кларе.], в общем, все при всем.

Но я не беру у них денег, кроме как на оплату учебы и дома, который делю с другими ребятами, спасибо большое, эта помощь здорово облегчает мне жизнь. Мама вновь объявилась в городе прошлой весной, когда я оканчивал первый курс в колледже. Она как никто знала о моей слабости к ней и о том, как легко мной манипулировать.

Твоя сестра богачка, говорила она мне. Эта маленькая стерва и гроша ломаного мне не даст, но ты-то не такой, я знаю. Ты мой драгоценный мальчик, помнишь? Тот, кто всегда присматривал за мной. Ты ведь хочешь меня защитить, правда? Ты нужен мне, Оуэн. Пожалуйста.

Она говорит мне «пожалуйста», и я как последний дурак отдаю ей все свои деньги.

– Мы всесторонне обсудили твое будущее, Оуэн, – говорит куратор. Голос хриплый, словно она выкурила пятьдесят тысяч пачек сигарет или даже больше;

я пытаюсь сосредоточиться на ней, чтобы не видеть разочарование на лице Фэйбл. – На некоторые вещи мы готовы закрыть глаза. Ты молод. Ты сбился с пути. В твоей команде немало тех, кто совершил те же ошибки.

Черт, да, есть такие. Эти ребята – мои друзья. Мы ошибались вместе.

– Оценки становятся все хуже и хуже. Твоя сестра боится, что ты слишком много работаешь, поэтому она позвонила твоему боссу.

Вот те раз! Не могу поверить, что она это сделала. Блин, владелец – ее друг и бывший босс, Колин. Он сдаст меня в два счета, хоть уже и не работает там. Они с Джен переехали сразу же после того, как я окончил старшую школу. Они обосновались в Южной Калифорнии, повсюду открывая новые ресторанчики, один за другим.

– Что же сказал мой босс? – злобно огрызнулся я. – Работа – это мое дело, то единственное, что дает мне ощущение свободы, немного карманных денег, заработанных собственным трудом, а не подачки от Дрю и не пособие, позволяющее иметь крышу над головой и оплачивать телефонные счета.

Это мои деньги, потому что я сам их заработал.

– Ты работаешь больше тридцати часов в неделю, – отвечает Долорес. Так зовут моего куратора. У нее голос как у мужчины, хотя сама она – древняя старуха. Вероятно, она работает в этом колледже со времен основания, а это было где-то на рубеже двадцатого века; эта женщина стара как мир. – Это слишком много, Оуэн. Когда же ты учишься?

Хочется сказать: никогда, но я держу язык за зубами.

– Твои оценки хуже некуда, и ты не сдал письменный экзамен по английскому. Вот на чем тебе сейчас нужно сосредоточиться, – вещает Долорес.

– В голове не укладывается, – заговорила Фэйбл, и я невольно перевел на нее взгляд. Вот черт, да она злится! Ее зеленые глаза – точь-в-точь как мои – сверкают от гнева, а губы так сильно поджаты, что, боюсь, она себя едва сдерживает. – Ты всегда делал успехи в английском. Когда-то тебе даже

нравилось сочинять самому.

Когда-то у меня было полно свободного времени. Ну, может быть, не полно, но вполне можно было выкроить немного на сочинительство. Это было своего рода терапией. Сначала я просто повторял за Дрю. Этот малый постоянно строчил всякую милую чушь, от которой моя сестра едва не теряла сознание, и мне хотелось того же. Нет, не хлопнуться в обморок или заставить сестру лишиться чувств, но уметь касаться людских душ словами.

Поэтому я стал подражать Дрю Каллахану: играл в футбол, сочинял стихи, хорошо учился и изо всех сил старался поступать правильно. И все же я зашел дальше, чем Дрю. Девочки – это по моей части, а также друзья, пиво и – да – травка!

Так что от намерения совершать правильные поступки осталось одно лишь название.

Я пытался бросить наркотики, как они это называют, и мне удалось. Но потом вернулась мама, и теперь у меня есть с кем покурить.

Вот такая вот история.

– Мне не хватает времени, – говорю я, пожав плечами.

– Правильно. Ты пропадаешь на работе, в которой вовсе не нуждаешься, гаденыш. – Фэйбл буквально прошипела последнее слово, и оно жжет, как удар кнутом. Дрю кладет ей руку на плечо, и в его взгляде ясно читается: «Успокойся!».

И это сработало. Он умеет на нее повлиять. Эти двое просто созданы друг для друга. Даже противно! Я так скучаю по ним. Я тут совсем один! Просто плыву по течению в городе своего детства, потому что именно этого я и хотел. Независимости.

Теперь жалею, что не уехал с ними и не пошел в Стэнфорд, как они мне советовали. Ну, так хотела Фэйбл. Дрю просил ее не давить на меня. Чем больше она наседает на меня, тем сильнее я упираюсь.

И я пошел на принцип: и со Стэнфордом, и с переездом вместе с сестрой и ее мужем в громадный особняк. Да вообще со всем, на любое предложение отвечал «нет».

Ну не болван ли я?

– Мы нашли тебе репетитора, – сказала куратор, делая вид, что не заметила, как моя сестра вспылила. – Ты встретишься с ней через час.

– Через час я должен быть на работе, – начал я, но Фэйбл перебила меня.

– Нет, не должен. Ты на испытательном сроке.

– Испытательном чем? – я развернулся к ней, не веря своим ушам.

– Пока ты не научишься держать свое дер… держать себя в руках, ты не работаешь. Ты должен сосредоточиться прежде всего на учебе, – говорит Фэйбл. Когда я открываю рот, чтобы возразить ей, она недобро прищуривается, и я замолкаю на полуслове. – А в команде ты сядешь на скамейку запасных. Берись за ум, иначе потеряешь все. Я не шучу.

Засада.

Челси

В классе тихо, пахнет старыми книгами и меловой пылью, хотя могу поклясться, что самой классной доски здесь нет уже много лет. Встреча назначена в одном из старых зданий университетского городка, где воздух еще дышит прошлыми поколениями студентов, везде гуляют сквозняки и все выглядит старым и разбитым, с претензией на собственную историю.

Я чувствую себя очень яркой и обновленной, а я давно себя так не чувствовала. И почти забыла, на что это похоже. Вчера я подстриглась, немного разорившись на новую прическу, зато волосы теперь спадают на плечи идеальными волнами, хотя обычно я не утруждаю себя укладками, потому что мои волосы безнадежно

прямые. На мне новые джинсы и кардиган, приобретенный вчера с тридцатипроцентной скидкой по купону, который мне прислали по электронной почте. Мама гордилась бы моим новым способом сэкономить.

У меня нет выбора. Быть бережливой – мой образ жизни.

Теперь я жду нового студента, чьим репетитором буду до конца семестра. Уже октябрь, так что у нас не так много времени, чтобы исправить его оценки; но я не волнуюсь. Я хорошо справляюсь с работой, даже отлично, хотя мне достаются сложные ребята, а это, кажется, сверхтяжелый случай.

Я начала подрабатывать репетитором еще на первом курсе. Учитывая, что школу я окончила на год раньше, а сейчас учусь на предпоследнем курсе, то занимаюсь этим я уже три года. Опыт немалый. Я вовсе не хвастаюсь, когда говорю, что умна. Некоторые даже сочли бы меня одаренной.

Или, скорее, сказали бы, что я слишком умна – себе во вред.

Все, что я знаю об этом парне, – это то, что он футболист и завалил английский. А если брать в расчет то, что я не слежу за успехами ни одной спортивной команды в колледже, то, кроме имени, ничего о нем не знаю. Я думаю, что он самоуверенный осел, которому претит сама идея, что его будет учить кто-то вроде меня.

Без разницы. Я не допущу, чтобы меня это беспокоило. Просто буду забирать свой чек каждые две недели и отправлять столько, сколько смогу, маме. Раньше я уже встречалась с тупоголовыми спортсменами, возмущенными тем, что им нужно в первую очередь заботиться об учебе. Многие из них ныли: «Кому нужны мои оценки? Я просто хочу гонять мяч».

Они думают, что могут просто гонять мяч, и все. Неважно, какой мяч: футбольный, бейсбольный, баскетбольный… Если им это удается, они уверены, что непобедимы, и считают, что больше им никогда ничего не понадобится.

Нельзя полагаться на одну-единственную вещь, составляющую твое счастье, затраты и вообще жизнь. Мама является живым доказательством этого.

И я – тоже.

Взглянув на телефон, я вижу, что мой новый ученик опаздывает почти на десять минут. Что ж, я смогу уделить ему лишь пятьдесят. Затем мне нужно бежать на другую работу, у меня нет времени ждать его. Я работаю несколько ночей и по выходным в дурацкой маленькой закусочной в центре города, мне там не очень-то по душе. Босс – высокомерный осел, а клиенты – ворчуны. Хотя чаевые там приличные, а мне важен каждый доллар, который я могу заработать.

Мы – две сломленные девочки, мама и я, отец оставил нас ни с чем.

Ненавижу его. Похоже, я всех парней ненавижу. Однажды, когда мне было почти четырнадцать и я страдала в старшей школе, как всякий подросток, которого никто не любит и у которого почти нет друзей, я прошла через стадию, в которой верила, что лесбиянка. Я сказала нескольким своим друзьям, родителям, всем, кто слушал, что мне нравятся девушки. И никогда не называла причину, почему решила, что я лесбиянка.

Как-то на дикой вечеринке по случаю дня рождения шестнадцатилетний Коди Кертис засунул язык мне в горло так, что я чуть не подавилась, а его грубые, неопытные руки шарили по моему телу. И вот тогда-то я и решила, что если это и есть то, что происходит между мальчиками и девочками, то лично я пас. Лучше уж быть всеми отвергнутой лесбиянкой, чем иметь дело с парнями, которые, чуть что, пытаются облапать меня и засунуть мне в рот свой язык.

Забавно, но никто не верил мне: ни родители, ни друзья. Все думали: это пройдет. Особенно моя лучшая подруга, Кэри, знавшая про тот случай с Коди и как сильно я возненавидела это.

Они были правы, это и правда скоро прошло, но мне никогда не было по-настоящему комфортно с парнями. Стоит им оказать мне хоть малейший знак внимания, как я уже думаю, что у них скрытые мотивы. Они хотят от меня чего-то, что я не хочу им дать.

Свое тело, разум и душу.

Они возьмут все, а затем уничтожат меня. Уйдут, не оглянувшись. Посмотрите на папу: он поступал так снова и снова. Он уходил, а мама плакала. Потом он

возвращался, и она принимала его. Он рвал ей душу кусочек за кусочком, пока она не превратилась в груду осколков, а потом он ушел.

И на этот раз навсегда.

Я осталась единственной, кто мог принять на себя ответственность, собрать осколки воедино и сказать ей, что она сильная, крепкая и не нуждается в нем. Мы обе не нуждаемся в нем.

Но это ложь. Я думаю, он нужен ей. Да и мне – тоже, но только чтобы поддерживать ее. Я не люблю его, больше не люблю. Он растоптал все мои чувства, обидев меня.

То, как он поступил с мамой, заставило меня по-настоящему хотеть быть лесбиянкой. Или, может быть, вообще стать асексуальной. Тоже вариант. Мне нравится жить в моем маленьком мирке, заполненном учебой, репетиторством и планами на получение степени магистра. Я стану тем, кем захочу. Мне не нужен мужчина, чтобы принимать за меня решения. Кэри боится, что я не захочу окончить колледж, потому что слишком сильно люблю учиться. Она думает, со мной что-то не так.

Трудно признаться, как сильно пугает меня реальность.

Скрипящий звук прервал мои мысли, дверь в класс распахнулась. И вот с важным видом входит парень – нет слов, чтобы описать его появление. Он движется изящно и плавно. Высокий, крепкий, с грозным выражением лица. И это лицо… вот это да, оно красивое!

Все мысли о возвращении к моему так называемому гомосексуализму вылетают в трубу. Если я на самом деле такая умная, как заявляю, то мне следует отправиться за ними в погоню в надежде вернуть их. Я притворюсь, что этого великолепного парня не существует.

– Ты мой репетитор? – Он останавливается прямо перед столом, где я сижу, и я вскакиваю, отталкиваясь от стула так сильно, что он падает на бок с громким стуком.

Щеки горят, но я игнорирую упавший стул, как будто не роняла его. Я самое жалкое существо на планете.

– Ага. Ты Оуэн? – я вздрагиваю. «Ага»?! Я должна преподавать английский, а сама даже не могу произнести «да» надлежащим образом.

– Ага. – Он вздергивает подбородок: твердый, покрытый золотистой щетиной, которая не соответствует цвету волос на голове, богатого, золотисто-коричневого оттенка, однако с намеком на то, что он может быть почти блондином, если пробудет на солнце достаточно долго. – У меня нет времени на это дерьмо. Я должен идти на работу.

Ну вот. Не прошло и минуты, а он уже не выносит меня и ругается. Вот придурок.

– Ты опоздал.

– Я знаю. Я уже сказал, у меня нет времени.

– Не думаю, что у тебя есть выбор. – Обернувшись, я наклоняюсь и хватаю стул, поднимая его. Когда я снова разворачиваюсь к нему, его взгляд быстро поднимается к моему лицу, как если бы он рассматривал мою задницу, и, клянусь, мои щеки горят.

На самом деле мне понравилось подловить его на том, что он рассматривал меня.

Что со мной не так?

– Мне вообще не нужна твоя помощь, – говорит он, встречаясь со мной взглядом. – Обычно у меня все в порядке с английским.

Я не знаю, что сказать, и просто смотрю на него. Должно быть, я выгляжу жалкой, но его глубокие ярко-зеленые глаза такие красивые, что в них почти больно смотреть. В этих глазах можно потеряться. Держу пари: тысячи девушек до меня уже пропали в них.

– Правда? – спрашиваю я голосом, полным презрения. – Если верить твоему учителю, ты провалил экзамен.

Его великолепный рот сжимается в твердую линию, губы такие полные, что их можно было бы счесть женственными, если бы не все эти резкие линии лица, мгновенно сглаживающие подобные намеки.

– Да все это фигня, – бормочет он, проводя рукой по волосам, спутывая их.

Ему идет. За эту мысль мне хочется стукнуть себя. Куда подевались мои лесбийские планы? Или планы об асексуальности? Отброшены в сторону из-за красивого парня, вошедшего в комнату с предвзятым отношением и твердым намерением уйти от меня?

Нет, я не одна из тех девушек. Я умная. Мальчики меня не интересуют, и мне это подходит. У меня есть защитная оболочка, спасавшая меня столько лет, но я и не подозревала, что она настолько тонкая.

Он пробил в ней брешь одним лишь взглядом своих ярко-зеленых глаз и даже не подозревает об этом. Я отказываюсь подчиняться его власти.

– Почему бы нам не присесть и не обсудить это? – предлагаю я, устраиваясь на стуле и пододвигая его поближе к столу.

Он не последовал моему примеру. Он возвышается надо мной, высокий и широкоплечий. Он все, что я могу видеть. Я поднимаю голову, и мне совсем не по душе, что он контролирует ситуацию. Неприятно то, что он смотрит на меня сверху вниз, как на пустое место, словно он может уйти прямо сейчас и просто забыть о моем существовании.

Вероятно, так и есть.

– Разве мы не можем просто сказать, что я прихожу к тебе каждую неделю, ты получаешь деньги, и мы делаем вид, что все в порядке? Ты строчишь свои жалкие отчеты, а я возвращаюсь к своим заданиям, набираю минимальный проходной балл, и все? – спрашивает он, протягивая руку и сжимая спинку стула, стоящего перед ним. Его длинные пальцы хватаются за край стула так

сильно, что костяшки белеют. Он напряжен.

Отлично. Я – тоже.

– Хм, это ложь и мошенничество.

Я говорю медленно, с нажимом на каждом слове.

– Да ну? А мне это подходит. Мне просто нужно подтянуть предмет, не так ли? – По его словам, все так легко.

– Ты завалил уже три теста, – подчеркиваю я, не потрудившись даже взглянуть на лист, свидетельствующий о его эпическом провале по английскому. Я все прочла это до его прихода и даже запомнила. – Также ты ходишь на занятия по литературному творчеству и там тоже очень близок к провалу.

– Я думал… – он замолкает и выдыхает, слегка раздувая ноздри, – это будет легко.

– Очевидно, что нет, – я поднимаю бровь и горжусь своим внешним спокойствием и хладнокровием. Внутри же нервы скрутились в тугой комок.

– Я заплачу тебе больше, – выпаливает он. – Я не могу… мне нужно работать.

Его предложение ошеломляет меня, и все, на что я способна, – это хлопать глазами.

– Может быть… – я делаю глубокий вдох. – Может быть, мы могли бы встречаться в другое время? В этом проблема? Это время тебе не подходит?

– Никакое не подходит, – он качает головой. – Я не хочу заниматься. Без обид, но у меня совсем нет времени на эту ерунду.

И, словно подведя итог, он разворачивается и уходит.

Глава 2

«Самое безопасное – ничего не чувствовать, не позволять миру коснуться тебя».

– Сильвия Плат[3 - Сильвия Плат (27 октября 1932 г., Джамейка-Плейн, Бостон, Массачусетс, США – 11 февраля 1963 г., Лондон, Великобритания) – американская поэтесса и писательница, считающаяся одной из основательниц жанра «исповедальной поэзии» в англоязычной литературе.]

Челси

Ненавижу работу в закусочной. Она находится в центре города, хоть и не в лучшей его части, по соседству с баром, где студенты колледжа определенно не тусуются. Но, учитывая круглосуточный режим работы, последние из гуляк, как правило, заваливаются посреди ночи, голодные и пьяные.

У меня нет утренних занятий, поэтому я работаю до четырех утра и, вернувшись домой, могу несколько часов поспать. Кэри, лучшая подруга и соседка по комнате, редко там появляется. У нее, как и у меня, плотный график, а раньше еще и парень был. Она часто оставалась у него, они курили травку, занимались сексом дни и ночи напролет, а потом он ее бросил.

Думаю, это лучшее, что могло с ней случиться. Тот парень был неудачником. Эта история повторяется снова и снова. Складывается впечатление, что она предпочитает именно плохих ребят, тех, кто заставляет ее чувствовать себя невероятно сексуальной.

Я это знаю, потому что она любит в красках рассказывать мне обо всех своих сексуальных приключениях. Думаю, ей нравится шокировать меня, ну и пусть. На самом деле я впитываю все подробности и задаюсь вопросом, что же такое секс.

Звучит ужасно. Неловко. Болезненно. И даже унизительно. Я рада, что предпочла быть одной.

Маме не по душе моя работа в закусочной, и она старается при каждом удобном случае убедить меня бросить ее, но я не могу. Мне нужна работа, чтобы оплачивать дополнительные расходы, которые не покрывает стипендия. Вот и работаю в двух местах и полностью посвящаю себя учебе. В следующем году я окончу колледж, а затем хочу получить степень магистра в области образования. Но не здесь.

Жду не дождусь, когда смогу покинуть этот город. Он не для меня. Я могу поступить в университет поближе к дому, к Уолнат-Крику[4 - Уолнат-Крик – город в округе Контра-Коста. Область залива Сан-Франциско штата Калифорния, США. Уолнат-Крик находится в 37 км (23 миль) на восток от Сан-Франциско и в 26 км (16 милях) от города Окленда.]. Ну, мы раньше жили там, пока не потеряли почти все, что имели. Сейчас мама живет в Конкорде[5 - Конкорд – самый крупный город в округе Контра-Коста, штат Калифорния, США.]. Она заставила меня остаться здесь, чтобы каждый день я не сталкивалась со скандалами.

Это ее слова.

Сегодня в закусочной тихо, но для среды это нормально. Я перехожу от столика к столику, подавая студентам гигантские тарелки с картофелем фри или начос. Завтрак для двух пожилых дядек, закончивших смену на электростанции, бесконечные чашки кофе для двух парней, пришедших пораньше, чтобы подготовиться к какому-то сложному тесту, который начнется менее чем через шесть часов.

Все как обычно.

Вот почему я так потрясена, когда примерно за час до конца смены дверь распахивается и входит Оуэн Макгваер с двумя парнями, такими же крупными, как и он, но не такими красивыми.

Блин. Ненавижу себя за такие мысли.

Раньше я его здесь не замечала. Да и могла ли? Обычно я не думаю о горячих парнях, а просто… работаю.

Но с ним все иначе. Встретила его и теперь не могу забыть. Его вызывающее поведение раздражает, но лицо, глаза…

– Хорошо, испытаем вас.

Его голос привлек мое внимание, я поднимаю голову, и наши взгляды встречаются. Он ухмыляется мне, слегка шатаясь на ногах, очевидно, он пьян. Учитывая, что ему всего девятнадцать, а он все-таки вошел в бар, вероятно, у него поддельные документы.

– Привет, – я коротко улыбаюсь трем пьяным парням, прежде чем снова стать серьезной. – Нужен столик?

– Ну а то! – говорит Оуэн, ухмыляясь все шире.

Так и хочется врезать ему. Или поцеловать. Не обращая внимания на тревожные мысли, я провожаю их к столу, чуть отступая, когда Оуэн оказывается слишком близко ко мне.

– Миленькая униформа, – пробормотал он, прежде чем занять место.

Почувствовав запах пива в его дыхании, я морщу нос. На мне неприглядная черная полиэстеровая форма официантки, пожалуй, самая непристойная на планете. Я никогда ни на кого не пыталась произвести впечатление, поэтому проблем с комплиментами и не возникало.

Но теперь мне хочется сбросить этот наряд, как змее – кожу. Просто стащить с себя это безобразное, нелепое платье и выкинуть в мусор. Бесит, что он видел меня такой.

Но рада, что он здесь.

– Что будете пить? – спрашиваю я, обводя взглядом всех троих, стараясь не задерживаться на Оуэне. Он может это неправильно истолковать, а мне нужно его уважение, если я действительно буду с ним заниматься. Чувствую, что не сработает, но надежда умирает последней.

Да и не на что тут надеяться. Лучше бы вообще не иметь с ним никаких дел.

Вот лгунишка.

Его друзья заказывают колу, а Оуэн – кофе, вот так неожиданность. Оставив их, я направляюсь к стойке, чтобы приготовить напитки, и при этом стараюсь унять предательскую дрожь в коленях; похоже, я переволновалась.

Я одновременно хочу, чтобы он ушел и чтобы остался.

Я начинаю злиться на себя за такие мысли. Парни меня не интересуют. Меня не заботит, что он думает и чего хочет. Так почему же он вызывает у меня дрожь и неловкость? Я разговаривала с ним всего десять минут, а потом его как магнитом притягивает туда, где я работаю. Улыбается так, словно это забавно, что он обнаружил меня. Делает двусмысленные комплименты а-ля «миленькая униформа» своим низким хрипловатым голосом, отчего по спине у меня бегут мурашки.

Веду себя как самая обычная девчонка и начинаю себя за это ненавидеть.

Делая вид, что его присутствие мне безразлично, я занимаюсь своей обычной работой: приношу им напитки, затем принимаю заказ, передаю его повару, возвращаюсь в зал, чтобы вытереть пустые столы, добавить салфетки и рассчитать уходящих клиентов. Кафе постепенно пустеет, пока не остается никого, кроме меня, повара, еще одной официантки – Паулы и Оуэна с друзьями.

Приношу им еду, мысленно отмечая, что Оуэн любит кофе с большим количеством сливок. Почему мне хочется запомнить это, словно я – белка, запасающая орехи на зиму, не знаю. Глупо! Он заставляет меня чувствовать себя глупой.

А я его даже не знаю. Ему плевать на меня. Для него я как заноза в заднице, и, чтобы улучшить свои оценки, он вынужден проводить со мной не менее часа дважды в неделю. Он предлагал мне деньги, чтобы я «позанималась» с ним и ему вообще не пришлось бы со мной видеться.

Придурок.

– Что-нибудь еще? – спрашиваю их, кладя чек на стол.

Оуэн забрал чек и посмотрел на него.

– Думаю, достаточно.

– Отлично, – я улыбаюсь, но выходит так себе. – Могу рассчитать вас здесь, но если хотите, можете заплатить на кассе.

– Эй, а что еще ты можешь сделать для нас, а? – спрашивает один из друзей Оуэна, заставляя второго засмеяться.

Я заливаюсь краской и стою, открыв рот, как выброшенная на берег рыба, но, к счастью, Оуэн поспешил мне на помощь.

– Заткнись, Дез. – Он взглянул на меня: от глупого захмелевшего мальчишки не осталось и следа. – Он пьян и не понимает, что говорит.

– Прекрасно понимаю, – бормочет пьяный Дез, но замолкает, когда Оуэн бросает на него сердитый взгляд.

– Все в порядке, – говорю я, слегка попятившись. – Не торопитесь.

Я поворачиваюсь, чтобы сбежать подальше от их столика, слышу, как кто-то резко вскакивает с места, чувствую, как сильные пальцы сомкнулись на моем предплечье, не давая мне уйти. Он стоит прямо позади меня, я замираю, чувствуя, как тепло его тела проникает в мое. Я приказываю себе сохранять спокойствие, не ляпнуть какую-нибудь глупость и не выставить себя в дурацком свете.

Только посмотрите, что он делает со мной одним лишь прикосновением. Такого со мной не бывало. Парни меня не волнуют. Да я и целовалась-то всего раза три. Один раз с Коди Кертисом, хотя он со своим языком определенно не в счет.

Значит, два. Лишь дважды я целовалась, и я девственница. Да, девственница! У Оуэна Макгваера на лбу написано: «Бабник». До меня ему нет никакого дела.

Так почему он трогает меня? Говорит со мной хриплым низким шепотом, обволакивающим словно тягучий теплый мед?

– …нужно поговорить. О занятиях, – говорит он; я вырываюсь из его крепкой хватки, раздраженная тем, что совсем не слышала, что он говорил вначале.

– Просто приходи по расписанию, в понедельник днем, и мы позанимаемся.

С фальшивой улыбкой я поворачиваюсь к нему, секунду он смотрит на мои губы: бесконечно долгую, перехватывающую дыхание секунду, прежде чем поднять свои бездонные зеленые глаза.

Губы покалывает, словно он поцеловал меня. О господи.

– Я даже не знаю твоего имени, – бормочет он.

Оуэн

Что я делаю? Какая мне разница, как ее зовут? Я ее не знаю. Да и не хочу знать. Сегодня я увидел ее первый раз в жизни. Мы ненадолго пересеклись днем, и она здорово разозлила меня своим «нет». И вот снова она.

На ней дурацкая, бесформенная черная униформа, способная обезобразить кого угодно. У нее темные волосы, темно-русые, а глаза – огромные, невинно-синие. Она выглядит совершенно недоступной, не похожей на девушек, которыми я обычно интересовался, и я вот спрашиваю ее имя, словно мне это нужно.

– Челси, – отвечает она, и я мысленно повторяю его снова и снова.

Вновь и вновь. Еще и еще.

Челси. Челси. Челси.

– Ладно, надеюсь, смогу встретиться с тобой завтра и получить задания.

Боже, как это все некстати. Мы стоим посреди убогой закусочной, где Дез и Уэйд могут услышать все, что я говорю Челси, невинной репетиторше с синими-синими глазами и розовыми-розовыми губами. Они понятия не имеют, что происходит. Как только мы уйдем отсюда, на меня выльется бездонный ушат дерьма.

– Завтра? В пятницу? – Она слегка хмурится, отчего выражение лица становится несколько напряженным и смущенным одновременно. Это выглядит так мило. Она вся такая милая.

Хей, приятель! Заканчивай уже с этой «милой» чушью.

– Завтра четверг, – напоминаю я.

– Нет, четверг сегодня, учитывая, что почти четыре утра.

– Верно. – Теперь я чувствую себя тупым, и мне это не нравится. – Тогда можем мы встретиться сегодня днем? Мне нужны задания, особенно если до понедельника мы больше не увидимся.

До понедельника многое может произойти. Блин, всего и не перечислить. Я словно иду по канату, ловя равновесие в ожидании, что в любую минуту предательский порыв ветра сбросит меня вниз, и я разобьюсь насмерть.

Вот во что превратилась моя жизнь. Меня разрывает на части. Хочу поступать правильно, а вместо этого продолжаю идти по кривой дорожке. Хочу рассказать Фэйбл правду. Хочу сказать маме оставить меня в покое.

В глубине души я знаю, что ничего не изменится. Я продолжу вести двойную жизнь, притворяясь, что могу отличить хорошее от плохого. С одной стороны, я хороший брат, который поступает так, как хотят Дрю и Фэйбл, а с другой – «хороший» сын, который подбрасывает мамочке денег, стоит ей лишь попросить, а еще вместе с ней курит травку и просит ее купить ему пиво.

Иногда я себя просто ненавижу.

– Днем у меня занятия, – отрезает она, задирая подбородок; вся из себя такая неприступная принцесса-девственница. Понятия не имею, так ли это, но все в ней просто кричит об этом. – А в пять у меня репетиторство.

– А если после? – Оглядываюсь через плечо на своих товарищей, наблюдающих за мной, их пьяные усталые лица полны любопытства. Снова поворачиваюсь к Челси и вижу, что она рассматривает меня, словно пытаясь понять.

Удачи! Я сам себя не понимаю.

Она глубоко вздыхает, ее грудь приподнимается, привлекая мое внимание. Выглядит очень недурно, хотя не могу сказать наверняка из-за этой дурацкой униформы. Да и при первой встрече не обратил на нее внимания, хотя засмотрелся на ее задницу.

И было на что. Она выглядела прекрасно в тех узких джинсах.

– Но если ненадолго, то я не против. Скажем, в шесть пятнадцать в той комнате, где мы уже встречались.

Я почувствовал облечение, а заодно ощутил себя настоящим слабаком. На оценки мне плевать, но Фэйбл убьет меня, если не вернусь на путь истинный.

– Да, давай.

– Хорошо. – Она отступает назад, готовая развернуться и уйти. – Тогда увидимся.

– Увидимся, – говорю я ей в спину и, не двигаясь с места, провожаю ее взглядом, пока она не исчезает за дверью кухни.

Я слышу хихиканье Уэйда и Деза и, повернувшись, вижу, как они встают со своих мест, путаясь в собственных ногах. Даже прилично поев, эти пьяные задницы не успокоились, и это почему-то дико меня разозлило. Я и с самого начала не был сильно пьян, а уж обнаружив Челси, работающую в этом кафе, и вовсе протрезвел.

Сперва было алкогольное опьянение. Но затем, посмотрев на нее, прикоснувшись к ней, пусть даже на мгновение, я снова захмелел, и такого опьянения я бы предпочел избежать.

– И что же это за цыпочка? – Сначала ко мне подгребает Уэйд, а затем уже и Дез.

Я молча бросаю на них сердитый взгляд, и мы выходим из закусочной в промозглую осеннюю ночь. Наш с Уэйдом дом находится не слишком далеко от центра и довольно близко к кампусу, так что мы уже добрались до боковой улицы нашего квартала. Дез, как всегда, вырубится на диване в гостиной.

– Помнишь, я говорил, что мой куратор хочет встретиться? – спрашиваю я, пряча руки в карманы джинсов. Я вижу облачко пара от своего дыхания и вжимаю голову в плечи, чтобы немного согреться.

– Ну, – с сомнением начинает Дез. – Что, черт возьми, это значит? Зачем это куратору встречаться со студентом?

– Она привлекательная? – спрашивает Уэйд. – Только не говори, что маленькая сексапильная официантка и есть куратор. Просто бомба!

Чувствую, что от раздражения в венах начинает закипать кровь.

– Нет, это не официантка, недоумок. Куратора зовут Долорес, и я почти уверен, что ей лет двести.

– А официантка была так себе, – говорит Дез, пиная камень. Тот отскочил от разбитого тротуара и приземлился на другой стороне дороги. – Ты видел, во что она была одета? Черный полиэстер – это полный отстой.

– Откуда, черт возьми, тебе знать, что это полиэстер? Следишь за модой? – усмехается Уэйд.

Блин. Эти двое любят подкалывать друг друга. Уэйд – мой старинный друг, а Дез – один из новых. Они уверяют, что им нечего делить, но иногда… я сомневаюсь.

– Заканчивайте, – говорю им. Я совсем не в настроении слушать их перебранки, собственно, как и всегда.

– Ну и кто же она, – спрашивает Дез, – несоблазнительная официантка в полиэстере?

Я бы не назвал ее соблазнительной. Она определенно не страшненькая. Она… милая. Такая чистая, сама невинность. Бьюсь об заклад, что подойди я к ней еще ближе – смог бы разглядеть веснушки у нее на носу.

– Я встречался с куратором, и там также были тренер, Дрю и Фэйбл.

– Твой зять был там? – У Деза даже челюсть отвисла. Он в восторге от Дрю. А Уэйд – нет, потому что всегда его знал, а с Дезом мы дружим только с начала учебного года. То, что мой зять играет за «Фотинайнерз», лишает большинство ребят дара речи.

– Я провалился по нескольким предметам, – говорю я, мой голос глух. – Они нашли мне репетитора. Та самая официантка…

– …твой репетитор, – закончил за меня Уэйд, покачав головой. – Парень, тебе придется воздержаться на какое-то время. Никакой травки!

Травка… Моя давняя проблема. Я начал курить еще в средней школе, когда мы жили с мамой и ей не было до нас никакого дела. После ее ухода Фэйбл стала главой семьи, и она вынудила меня бросить. Дрю заставил меня захотеть бросить.

Но потом… я вернулся к пагубной привычке. Ничего не могу с собой поделать, мне нравится быть под кайфом. То прекрасное чувство, когда ничто не тревожит, неприятности не лежат тяжким камнем на сердце, а ведь они у меня есть, эти самые неприятности! Хотя большинство из них – моя заслуга.

А некоторых лучше бы не было вовсе. Мама… Она как назойливая муха вьется вокруг, и сколько ее ни отгоняй, она возвращается. И жужжит еще громче, чем раньше.

Да, она такая. Надоедливая, жирная, выносящая мозг муха.

– Тебе, пожалуй, не стоило тусоваться с нами сегодня вечером, – говорит Дез.

С каких это пор эти два придурка стали такими ответственными?

– Слушайте, мне нужно временно залечь на дно. Займусь уроками, пересдам несколько тестов и повышу свои оценки. – Прямо не верится, что говорю это. Сперва я был против. Но только потому, что занятия с репетитором пересекались с рабочим расписанием, а мне нужны деньги, ведь Фэйбл не знает, что большую часть я отдаю маме.

Перед тем как пойти в бар, я поговорил с боссом. Мы подкорректировали мое расписание, и теперь я могу все успеть. Нет проблем. В любом случае дополнительные занятия закончатся, как только я получу нужные оценки, и мне больше не нужна будет помощь Челси.

– Будешь занят, – говорит Уэйд. – Не останется времени на цыпочек.

– А когда у меня было на них время?

– Пару недель назад, когда ты заявился домой с той девицей. Ты, видимо, думал, что я спал, но я слышал, как вы там развлекались, – смеется Уэйд.

Тупой, пронырливый извращенец.

– Ты подслушивал? – Она была шумной. Много всяких «ох, прикоснись ко мне здесь» и «да, так мне нравится». Жалкое притворство. Устроила целый спектакль и думала, что именно это мне и нужно. Ну я и подыграл. Но, несмотря на все эти грязные разговорчики, которых она так жаждала, мне не понравилось. Долго я не продержался и, как только все закончилось, быстро спровадил ее.

Я даже не помню ее имени.

– А у меня не было выбора, она ж орала, – Уэйд слегка ткнул Деза под ребра, и они взорвались дружным смехом.

Вот уроды.

– Да у меня больше девчонок, чем у вас вместе взятых, – говорю я с раздражением, потому что тут нечем гордиться.

– Учитывая, что Дез – гей, это мало что значит. – Ой! – Уэйд потирает руку, по которой его треснул Дез.

Каждый раз одно и то же: напиться и по пути домой подкалывать друг друга и хвастаться девчонками.

Мне начинает надоедать собственная жизнь. Я сам себе надоел. Мне нужны перемены. Надо измениться.

Завтра поговорю об этом с Фэйбл.

Глава 3

«Нет, ты не дурное семя. Ты просто цветок в ожидании расцвета».

– Челси Симмонс

Оуэн

– Ты же знаешь, как мне хотелось бы, чтобы ты приехал, но Дрю постоянно в разъездах: тренируется с командой, и я еду с ним, – говорит Фэйбл с сожалением.

Сильнее сжимаю в руке мобильный и закрываю глаза. Я все еще в кровати, хотя уже час дня, а в два у меня начинаются занятия. Пора уже пошевеливаться.

– А как же ребенок?

Моя племянница Отэм – центр их мира. Ей три с половиной месяца, и она самое прелестное создание, которое мне доводилось видеть. Она мило агукает всякий раз, когда видит меня, хоть это случается нечасто. Она просто маленькая копия Фэйбл. Больше всего Дрю любит появляться на публике, держа свою любимую дочурку на руках. Фотки папарацци тут же появляются в Интернете, вызывая всеобщее умиление.

Даже Фэйбл не может остаться равнодушной к этим снимкам. Что за безумие! Кто бы мог подумать, что женщины тают при виде мужчины с ребенком на руках?

– Разумеется, я возьму ее с собой. Ты же знаешь, как быстро летит время. Не успеешь оглянуться, как Отэм пойдет в школу, и я уже не смогу всюду сопровождать ее. Нет, я не упущу возможности побыть с ней вместе. – Фэйбл тихо причмокивает; думаю, она укачивает ребенка, потому что слышу детское хныканье.

– Боже, она просто ненасытна.

Даже не хочу представлять, что прямо сейчас делает Фэйбл.

– Я напортачил на встрече с репетитором, – признаюсь я.

Она вздыхает.

– Как?

Я рассказал ей о случившемся и добавил в конце, что встречаюсь с Челси сегодня вечером. Это несколько успокоило Фэйбл, уставшим голосом она просит меня больше так не делать, ведь мне уже давно пора взяться за ум, и, конечно, ее неизменное «проблемы сами собой не решаются, Оуэн» и бла-бла-бла.

Было ошибкой думать, что я могу позвонить и запросто попросить пожить у нее некоторое время. Я быстро заканчиваю разговор и бросаю телефон на тумбочку. Закрываю глаза и позволяю мыслям свободно течь… к репетиторше.

К голубоглазой Челси с длинными русыми волосами. Она ненавидит меня. А мне следует ненавидеть ее. Она из породы заумных богатеньких девчушек, а я всего лишь один из местных балбесов, получивших стипендию. Да, Дрю богат, и да, черт возьми, он позаботился о нас. Теперь, играя в НФЛ, он зарабатывает больше денег, чем когда-либо было у его отца. Да и мне немало перепадает с этого, но я все же не могу забыть, кто я есть на самом деле.

Внезапно объявляется мама и снова напоминает мне, откуда я родом.

Для такой девушки, как Челси, я всего лишь парень из трущоб. Хм, связаться с плохим парнем и хранить в тайне этот маленький грязный секретик. Готов поспорить: она ни разу не бывала в бедном квартале. Я, наверное, до смерти ее пугаю.

А разве мне этого не хочется?

О да! Хотя не следует. Она не для меня. Не мой тип.

Телефон загудел, оповещая об эсэмэске, я хватаю его и не могу сдержать стон, когда вижу, что это мама.

Я у вашего дома. Ты тут?

Дьявол! Она последний человек, с кем я хочу говорить сейчас.

Да и вообще когда-либо.

Сползая с постели, натягиваю футболку и джинсы, иду к двери, открываю и вижу ее идущей по тротуару. Выглядит издерганной.

Отлично.

– Оуэн, – она улыбается, но так неискренне. Было ли когда-нибудь иначе? – Ты только встал? Не следует спать так долго.

Ее попытки быть матерью бесподобны. Просто курам на смех.

– У меня скоро занятия.

Хочу, чтобы она поскорее ушла. Все кончится тем, что она попросит больше, больше и больше. Ей всегда мало.

– Что тебе нужно? – спрашиваю я в ответ на ее молчание.

Мама вздрагивает и вздыхает.

– Хорошо, давай сразу к делу! Мне нужны деньги.

Еще бы! Они ей всегда нужны. Ее подработки приносят ей лишь жалкие гроши. Мне даже не верится, что она вообще работает, с ее-то послужным списком. Когда она бросила нас, то долго сидела без дела, все время проводила со своим дружком-неудачником Ларри, жила в основном у него и частенько зависала в своем любимом баре. То было четыре года назад.

И вот она здесь. Словно и не уходила. Мы лишь поменялись ролями, и теперь я тот, кто заботится о ней, что забавно, учитывая, что она-то никогда не заботилась о нас с Фэйбл.

– Сколько?

– Двести. – Она вздрагивает, словно ей стыдно просить подаяние, но это притворство. Для нее не проблема просить деньги, ведь она думает, что я бездонный денежный мешок благодаря «Дрю-треклятому-футболисту-Каллахану». Это ее слова. Я был ошарашен, когда осознал, сколько в ней яда и желчи.

Да, мама и Фэйбл не совсем ладят. Ну ладно-ладно, они совсем не ладят! Даже не разговаривают. Дрю никогда не встречался с мамой, а мама никогда не видела внучку, хотя знает о ней.

Вообразите себе любую возможную проблему – и вы найдете ее в моей семье.

– У меня столько нет, – говорю я.

Ее потускневшие зеленые глаза удивленно распахиваются. Я смотрю на ее секущиеся пережженные краской волосы и не могу не признать, что выглядит она убого. Фэйбл бы с ума сошла, если бы узнала, что я разговариваю с ней и, более того, снабжаю ее деньгами вот уже несколько месяцев.

– Как это нет? Муж твоей сестры – треклятый игрок НФЛ! У него полно денег!

Я поджимаю губы. Ну, приехали! Она прекрасно знает, что Фэйбл не в курсе нашего общения.

– Дрю не дает мне денег.

– Он снял для тебя дом, купил новенькую машину, оплатил учебу…

– Я получил стипендию. А этот дом – настоящая нора, но я не позволю Дрю платить за дорогое жилье, которое мне не нужно. А машина – подарок на восемнадцатилетие. – Я скрещиваю руки на груди. Меня бесит, что я вынужден оправдываться. Ей нужны не мы с Фэйбл, а наши деньги.

– Но мне очень нужно, – скулит она. – У тебя правда нет двух сотен?

– До зарплаты нет, – говорю я, и это правда. Я обеспечиваю себя как могу. Дополнительные расходы покрываются деньгами, заработанными в ресторане, а вовсе не банковским чеком Дрю. Я сам должен встать на ноги.

– И когда же она?

– В пятницу.

Она уставилась на бордюр и пинает его своими потрепанными кедами, видавшими лучшие дни. Их пора было выбросить на помойку еще лет пять назад.

– Завтра? Могу я зайти за деньгами завтра?

– Да, – резко отвечаю я. – И захвати немного пива, ладно?

– На что я его куплю, если у меня нет денег?

Она смотрит на меня. Тусклые глаза полны гнева, а тонкие губы сжаты в тугую линию. Она самый несчастный человек, которого я когда-либо встречал. И самый жалкий. Эгоистичная и глупая женщина, постоянно делающая наихудший выбор из возможных.

Черт возьми! Боюсь, меня ждет то же самое. Мой выбор ужасен. Я все прекрасно понимаю, но не могу остановиться.

Яблочко от яблоньки…

– Приходи завтра днем, я дам тебе чуть больше, чтобы хватило на пиво, – говорю я. Так у меня не будет соблазна пойти в бар. Останусь дома и выпью несколько банок с Уэйдом и Дезом. Возможно, позвоню по одному из сохраненных в телефоне номерочков. И так, чуть захмелевший, часок-другой полежу с девушкой, затем шлепну ее по заднице и выставлю за дверь.

Черт. Ну и свинья же я.

– Взамен на косячок, – она снова смотрит на меня.

Дез – мой поставщик этой дряни. Он притащит мне целый мешок, если я попрошу.

– Ладно, – я слегка поморщился. – Раз ты так хочешь.

– Покурим вместе? Поговорим, как раньше? – В ее голосе звучит надежда, и мне хочется поддаться ее идее вернуться к прежним временам, когда мы вдвоем курили травку и ловили кайф.

Мы делали так пару раз, когда мне было тринадцать, еще до того, как она нас бросила. Это наш маленький секрет. Разумеется, Фэйбл не знает.

Она бы просто умерла. А хуже того, захотела бы прибить маму.

– Может быть, – я пожимаю плечами, и ее глаза тускнеют еще сильнее, если это вообще возможно. – Мне пора на занятия.

– Занятия?! – она усмехается. – Повеселись там!

– Обязательно. – Я еще долго стою на пороге и смотрю ей вслед.

Как все запуталось. Терпеть не могу секреты. Эта тайна уничтожает меня изнутри. Хочется рассказать Фэйбл, но она придет в ярость. Если доверюсь Дрю, он скажет ей. Ему придется, ведь она его жена. Он так предан Фэйбл, что не раздумывая умрет за нее, если потребуется, и, конечно, сделает все, чтобы защитить их отношения.

Я просто не могу так с ним поступить. Нельзя заставлять его хранить мою тайну. Это слишком жестоко.

Поэтому я держу все в себе. Как ядовитый сорняк, эта тайна прорастает во мне, укрепляясь своими длинными цепкими усиками, порабощая мои руки, ноги, внутренности и крепко сдавливая сердце и мозг. Пока этот секрет во мне, я ни о чем другом не могу думать.

Мне просто необходимо отвлечься! И поскорее.

Челси

Я оделась для него. Самой не верится, но я тщательно перебрала весь свой гардероб. Просмотрела каждую вещь, вслух комментируя все, что о ней думаю. Стесняться нечего, ведь я, как обычно, одна, и никто не спросит, чем это я занята.

Старое. Некрасивое. Дешевое. Цветастое. Старомодное. Этот наряд меня полнит, в этом я выгляжу болезненно, а в том и вовсе как шлюха.

Последнее, что я достаю, – блузка, достойная гардероба проститутки. Я надевала ее на свой восемнадцатый день рождения. Это была идея Кэри. Я

повелась на ее уговоры, поскольку полагала, что могу позволить себе легкомысленные покупки, но менее чем через месяц нас накрыл финансовый кризис.

Черная блузка с закрытой шеей, вырезом на груди, приоткрытыми плечами и полностью оголенной спиной. Я была в ней той ночью в ресторане, куда Кэри привела меня и нескольких своих друзей. Я чувствовала себя такой смелой и взрослой. Мы долго ели, потом пошли к кому-то домой и напились там дешевого алкоголя. Там-то я и поцеловалась второй раз в жизни. Классические «обнимашки» с парнем, чей язык был не так отвратителен, как у Коди, но который тоже едва знал, как им пользоваться.

По крайней мере, не думаю, что у него все вышло как надо. Хотя мне почти не с чем сравнивать.

Боже. Я такое ничтожество, что мне даже жаль себя.

Я засунула блузку подальше в шкаф и продолжила поиски. Нельзя выглядеть нарочито нарядно и заявиться на занятия в колледж в таком виде. Да ладно, серьезно? М-да, нужно обновить свой гардероб; сейчас он состоит в основном из футболок. Скукота.

Останавливаюсь на симпатичной бледно-желтой футболке, которую выцепила на распродаже прошлым летом, сверху набросила любимый черный кардиган, плюс удобные выцветшие джинсы. Как завершение купленные в супермаркете серые кеды, так что они не фирменные, но очень на них похожи. Весь день была как на иголках, томясь ожиданием.

Если бы он только узнал, то точно посмеялся бы надо мной.

Мое первое индивидуальное занятие сегодня превратилось в кошмар. Я витаю где-то в облаках, и мой ученик, старшекурсник Уес, у которого накопились проблемы с английским аж с первого курса, конечно, заметил это. Поэтому возится, отвечает невпопад, тянет время, невнимательно слушает, пока я наконец не заканчиваю занятие на десять минут раньше.

Большая ошибка. Теперь мне ждать Оуэна Макгваера двадцать пять минут вместо пятнадцати. А учитывая, как поздно он явился вчера, ожидание,

вероятно, затянется.

Почувствовав, как говорят первокурсники, потребность вздремнуть, я сложила руки на столе и, закрыв глаза, опустила на них голову. Прошлой ночью поспать не удалось, поэтому я очень устала. Сомневаюсь, что смогу сейчас заснуть, я редко сплю днем, ну а что еще прикажете делать? Ходить туда-сюда по комнате? Ждать у дверей, пока он наконец не появится?

Сущая пытка.

И я отпускаю разум в свободное плавание. Думаю о маме и о том, как она хочет, чтобы я вернулась домой. Она скучает по мне. Я единственный ребенок, и без меня она очень одинока. Друзья ее не навещают, ведь она живет в Конкорде, а папа сидит в тюрьме. У нее никого нет. Она постоянно повторяет это, когда мы разговариваем, ведь я – ее единственный источник общения.

Но я не могу приезжать каждый раз, когда ей хочется меня увидеть, мне нужно скопить деньги ко Дню благодарения. Будет неделя выходных, и тогда имеет смысл поехать к ней. А ей это почему-то не кажется очевидным.

Но как же получить неделю отпуска в закусочной? Индивидуальных занятий на каникулах не будет, но работу в кафе никто не отменял. Я еще не осмелилась заговорить с начальником о выходных, что весьма глупо, ведь надо позаботиться об этом заранее. И вообще давно пора уже стать смелее…

Нужно перестать думать о мальчиках с красивыми зелеными глазами, которые считают меня посмешищем. В кафе я заметила искры веселья в его взгляде. Наверное, он с друзьями смеялся надо мной, когда они ушли. Возможно, они спросили, кто я, и он честно ответил: никто.

Никто.

Я всегда была никем.

Почему я не могу быть кому-то нужной? Это не более чем жалкий самообман, будто я могу быть фригидной, или гомосексуальной, или еще какой невидалью. На самом деле мне хочется нравиться парню с мягкой кошачьей походкой и

яркими зелеными глазами. Хочется, чтобы он шептал мне на ухо нежные, вызывающие сладкую дрожь слова. Хочется его прикосновений. Хочу узнать, каково это – быть любимой. Хотя бы раз…

– Привет.

Это он! Я узнаю его даже по одному коротенькому слову. Ну вот, он уже пробрался в мои сны. От его низкого урчащего голоса по телу бегут мурашки. Я тихонько вздыхаю. Вздох переходит в едва слышное хныканье, когда он касается моей головы и ласково треплет волосы.

– Проснись, соня. – Я слышу веселые нотки в его голосе и понимаю, что это не сон.

Голос вполне реальный. Пальцы на моих волосах… реальны.

Господи!

Резко поднимаю голову и вижу его прямо перед собой. Он смотрит на меня с улыбкой, все еще не отнимая руку от моей головы. Могла ли я такое представить?

– Ч-что ты здесь делаешь?

– Мы же должны были с тобой встретиться, помнишь? – Он смотрит на меня как на сумасшедшую.

И его можно понять.

– Который час? – Я убираю волосы с лица. Спросонья взгляд еще затуманен, а голова словно свинцом налита.

– Восемнадцать пятнадцать. На этот раз я пришел вовремя. – Он садится на краешек стола, и его улыбка становится еще шире. – Надеялся, ты оценишь.

Он не опоздал, чтобы угодить мне. И знаете что? Я более чем довольна. Как меня, однако, легко завоевать.

– Я заснула.

– Очевидно.

Я потираю лоб.

– Обычно я так не делаю.

– А может, напротив, стоит спать почаще? Думаю, ты крепко спала.

От его слов я почувствовала, как меня накрывает волна беспокойства.

– Почему?

– Ну, на твоей щеке вмятинки. – Он протягивает руку и чуть поглаживает их; кончики пальцев нежно касаются кожи, отчего меня охватывает дрожь.

Не верится, что он дотронулся до меня.

Он убирает руку и садится на стул рядом с моим, словно тут и есть его место. То есть не напротив, как это делают другие ученики, а именно рядом. Он так близко, что я ощущаю его опьяняющий запах. Он пахнет дымом и специями, свежим воздухом и хрустящими яблоками. Он пахнет осенью.

Это мое любимое время года.

– Так у тебя есть задания?

Его вопрос возвращает меня к действительности. Я вытаскиваю папку с надписью «Оуэн Макгваер» из стопки, возвышающейся рядом со мной, открываю ее и протягиваю ему заранее подготовленный список. Это перечень не выполненных им заданий, а также тех, что он успешно сдал, хотя их не много.

– Вот, пожалуйста.

Насупившись и поджав губы, он сосредоточенно изучает список, в то время как я открыто рассматриваю его. Вполне могу себе это позволить, ведь я его репетитор. Мне нужно следить и за ним, и за происходящим, не так ли?

– Могу я пересдать тесты? – Его бархатный голос словно обволакивает меня теплом, я киваю, глядя в его чарующие глаза.

– Да.

Он смотрит на меня в ожидании, что я скажу что-нибудь еще, и я понимаю, что чувствую намного больше, чем могу выразить словами.

– Вот тут задания, предшествующие трем тестам, которые ты пропустил. Их все нужно выполнить. – Чуть наклонившись, указываю ему на четыре пропуска перед первым тестом. – Как только закрываешь их, сможешь сдать тест.

– Как насчет этих? – Он постукивает указательным пальцем по пропускам чуть ниже первого теста. Его палец так близко к моему, что почти касается его.

Я задерживаю дыхание, считая до пяти, чтобы успокоиться. Внутри меня все трепещет, оттого что наши пальцы так близко друг к другу.

– То же самое. Отрабатываешь задолженность, затем сдаешь тест. – Звучит очень по-девчачьи, словно я пытаюсь флиртовать, хотя это не так.

Просто не могу вести себя иначе в присутствии Оуэна Макгваера.

– Хм. – Он поднимает глаза, и наши взгляды встречаются. Прядь волос упала ему на лоб, мне хочется убрать ее, ощутить ее мягкость. Почему он так смотрит на меня? В его взгляде нет ни насмешки, ни издевательства, ни гнева. Он смотрит на меня так, будто я… нравлюсь ему.

Ты определенно лишилась рассудка!

– Поможешь мне?

– Это ведь моя работа, – киваю я.

– Будем заниматься дважды в неделю? Скажем, в понедельник и среду?

Снова киваю.

– Да. – Откашливаюсь и выпрямляюсь. – Да, будем.

Он улыбается. Мне нравится его улыбка. Зубы такие ровные, а губы – чистый мед.

– Тогда договорились, Челси. До понедельника.

До того как я успеваю попрощаться, он встает со стула и поспешно выходит из комнаты. И мне кажется, что его вообще тут не было.

Кажется.

Глава 4

«Найди свет в других людях и относись к ним так, словно это единственное, что видишь».

– Д-р Уэйн Даейер[6 - Уэйн Даейер, д-р (10 мая 1940 г., Детройт, Мичиган, США – 29 августа 2015 г., Мауи-Кантри, Гавайи, США) – американский писатель, преподаватель, лектор, пропагандист саморазвития.]

Понедельник № 1

Оуэн

Выходные, казалось, никогда не закончатся. В пятницу, как только перечислили зарплату на счет, я сгонял в банк и снял наличные, а затем встретился с мамой. Она жадно вцепилась в деньги, широко раскрыв глаза и скривив губы в подобии улыбки.

Позже она принесла пару упаковок пива, и мы раскурили с ней косячок, хотя я сделал всего одну затяжку. Мне не нравится, что мы делаем это вместе. Я сыт этим по горло. Курю с ней, только когда мы совсем одни, чтобы не испытывать чувство вины и не ловить на себе удивленные взгляды приятелей. Уэйд знает про мои непростые отношения с матерью, а Дез – нет. Он думает, моя жизнь легка и прекрасна.

Раздраженный тем хаосом, в который превратилась моя жизнь с легкой руки моей мамочки, я вскоре спровадил ее. Она ушла без малейшего протеста, пребывая под кайфом, который только усиливался от мысли о полном кармане хрустящих купюр.

Мысленно я поспорил сам с собой, что она вернется через неделю за новой порцией денег.

В выходные, когда была не моя смена в ресторане, мы шатались без дела с Уэйдом и Дезом, а учитывая, что босс сократил мои рабочие часы по просьбе владельца, я вообще рад, что сохранил работу. Мы пили пиво, смотрели глупые фильмы и болтали о всякой ерунде. Все как обычно. Хотелось забыть о проблемах. Мне не давало покоя, что я пропускаю игру в эти выходные, но я старался об этом не думать. Все же я здорово разозлился, когда Уэйд ушел на стадион без меня.

Чтобы как-то развлечься в пятницу вечером, мы с Уэйдом пригласили пару девиц. Но мне быстро расхотелось с ними общаться. Я даже не помню их имен, хотя одна из них сидела у меня коленях, ерошила мне волосы и шептала, как сильно она меня хочет. Я не сопротивлялся, но и не поощрял ее попытки соблазнить меня, делая вид, что увлечен тупым фильмом, который мы смотрели. Вскоре она оставила меня и пересела на колени к Уэйду.

Готов поспорить, что он-то ее не продинамил.

В субботу вечером я работал. Толпа посетителей рвала меня на лоскутья, не давая сосредоточиться на своих проблемах, что было мне только на руку. Моя смена длится до одиннадцати, но было так много дел в ресторане, что я задержался, чтобы помочь. Чаевые оказались приличными, так что я спрятал часть наличных в своем тайнике в шкафчике, в кармане старой куртки. Как-то Фэйбл научила меня этому трюку.

Надеюсь, что так смогу выкроить для себя хоть что-то и не отдать все маме.

По ночам я подолгу не мог заснуть, думая о своей репетиторше. Челси. Вспоминал, как нашел ее, спящую на парте. Чуть приоткрытые розовые губы, ровное тихое дыхание… Она выглядела как темноволосый ангел. Она была само умиротворение. Я залюбовался ею. Просто стоял и смотрел, словно переживая нечто, частью чего не являлся.

А когда я коснулся ее… Даже не знаю, что на меня нашло. Ее темно-русые волосы выглядели как шелк, и мне хотелось узнать, так ли это.

Так.

Когда она пошевелилась, я отдернул руку как от огня. Не хотел, чтобы она знала, что я ее трогал. Вероятно, она разозлится. Не думаю, что нравлюсь ей.

Скорее, наоборот. Я только доставляю ей неудобство: веду себя как придурок и при этом тащусь от этого. В прошлый четверг я намеренно провоцировал ее. Хотел посмотреть на ее реакцию, увидеть, как порозовеют щеки, опустятся ресницы, пряча невероятно синие глаза. У нее густые темные ресницы и россыпь веснушек, как я и думал.

Вот уж не знал, что мне нравятся веснушки, но, видимо, они меня заводят.

Ты и саму девушку не знаешь. Какое тебе до нее дело?

А когда для меня было важно знать девушку?

В воскресенье я отдыхал. Сперва выспался, затем валялся в постели, пока наконец Уэйд не спросил, не хочу ли я заказать пиццу на ужин. Я согласился и,

чтобы как-то скрасить ожидание, достал задания, которые дала Челси. Не так уж сложно будет наверстать пропущенное, надо лишь поднапрячься. Ответить на вопросы о прочтенных книгах, которые я в глаза не видел, а также вопросы, требующие собственного мнения по теме. Что ж, с этим я вполне могу справиться. Я уже купил по дешевке одну из нужных книг и загрузил в телефон.

Уничтожив добрую половину пиццы, я немного позанимался и увидел плоды своих трудов, только когда смог закончить два из них. Я подумал, что это понравится Челси; и решил сделать еще одно задание, быстро просмотрев другую книгу из списка, которую я в итоге обнаружил под кроватью.

В переполненном коридоре проталкиваюсь сквозь толпу студентов, торопясь добраться до аудитории, где меня ждет Челси. На мне джинсы, новенькая черная футболка (я купил сразу целую упаковку) и поверх нее одна из старых, но любимых фланелевых рубашек, потому как на улице чертовски холодно. Небо мрачное и серое; наверное, будет дождь. Мне интересно, сколько еще осталось погожих дней до конца лета.

Наконец я добрался до кабинета и увидел, что дверь закрыта. Чем ближе я подходил, тем сильнее волновался. Что со мной происходит? Почему я с таким нетерпением жду встречи? Она ничего из себя не представляет. Она никто. Она даже не привлекательна.

Лжец!

Ладно. Она милая, но не более. Не понимаю, что со мной творится.

Надавливаю на ручку, открываю дверь и захожу внутрь. Она сидит за столом, уткнувшись носом в мобильник. Наверняка переписывается с кем-то. Интересно, с кем?

С друзьями, с семьей, с парнем?

Мне неприятна мысль, что у нее может быть парень. Я даже представить себе такое не могу. Согласен, звучит грубо, но она выглядит такой неприступной, что другой мысли не остается. Такие девчонки меня обычно не интересуют. Хочешь, чтобы я не прикасался к тебе, а только смотрел? Нет проблем.

Но почему-то мне хочется прикоснуться к Челси всякий раз, как я ее вижу.

Ладно, держи себя в руках, парень!

– Эй. – Мягкий голос прерывает мои мысли, я поднимаю глаза и встречаюсь с ней взглядом. Она улыбается мне. Ее улыбка сражает наповал, но я стараюсь держаться. – Ты пришел.

Кивнув в ответ на ее приветствие, я сажусь на стул напротив нее, а не рядом, как в прошлый раз. Тогда я хотел подразнить ее, и это сработало. Сегодня нам нужно вести себя как положено: она – репетитор, я – ученик.

– Я выполнил несколько заданий, – говорю я, копаясь в рюкзаке в поиске листков с упражнениями, которые сделал вчера вечером.

– Вот, держи. – Протягиваю их ей.

Лицо Челси светится радостью. Наши пальцы касаются друг друга, когда она забирает у меня листки. Пробежав взглядом каждую страницу, она хвалит меня.

– Ты ходил на занятия? – спрашивает она, закончив чтение.

Я утвердительно кивнул. Было нелегко, ведь я сильно отстал, и теперь трудно работать наравне со всеми, но я старался как мог.

– Еще я ходил на занятие по творческому письму.

– Это как раз то, над чем мне бы хотелось с тобой поработать. Слышала, у тебя скрытый талант, – говорит она, убирая телефон в рюкзак, и открывает мой учебный план.

– У меня много разных талантов.

Она нахмурилась, я же удивленно вскинул брови, с видом самодовольного болвана.

Она закатывает глаза.

– Не сомневаюсь, – с сарказмом отвечает она, слегка покраснев от моей грубой шутки. Милота. Другие девушки повелись бы на флирт или стали бы задирать меня.

– Итак, что мне нужно для занятий по творческому письму? – Думаю, что смогу во всем разобраться. Чем быстрее я исправлю оценки, тем быстрее избавлюсь от нее и продолжу жить своей жизнью.

– Начни с более коротких заданий. Они несложные, и ты с ними быстро справишься. – Она протягивает мне лист с заданиями и требованиями к ним. Я беру его и перед началом работы бегло просматриваю.

Отлично. Мне нужно подготовить портфолио письменных работ за весь семестр. Учитывая, что я отстаю от плана уже на шесть недель, придется многое наверстать, иначе мне никогда не вернуться в футбольную команду.

Проклятье!

– Могу я спросить?

От удивления она чуть приоткрыла рот.

– Хм, конечно.

– Ты действительно думаешь, что я быстро смогу наверстать упущенное и отыграть оставшуюся часть сезона, вернувшись в команду? – С замиранием сердца жду ее ответа.

Избегая смотреть мне прямо в глаза, Челси закусывает нижнюю губу.

– Я… не знаю. У тебя так много долгов.

– Поможешь мне? – Мне противно слышать, с какой надеждой и мольбой звучит мой голос. Не стану клянчить. Не получится – брошу все. Но я не могу пустить все на самотек. Учеба, футбол, уважение сестры… Мне это нужно. Я этого хочу.

– Уже помогаю. – Я вижу ее теплую улыбку, искорки в глазах, слышу мягкий голос… Завораживающее зрелище.

– Да, это так, но можешь помочь еще больше? С портфолио и прочим? Можем мы заниматься чаще, чем дважды в неделю?

Она моргает, глядя на меня, словно я обезумел, предложив подобное.

– Не знаю…

– Я заплачу, – прерываю я.

– Конечно, заплатишь, – парирует она, вызывая у меня улыбку. Хм, мой репетитор слегка задирист. Замечательно. Я надеялся, что у нее есть характер. – Просто у меня довольно плотный график.

– Занимаешься с учениками круглосуточно, да? – Я откидываюсь на спинку стула; интересно, чем же она так занята.

– Да нет. Не совсем.

– Большая загруженность по учебе? – продолжаю допытываться я.

– Именно, – она кивает.

– В твоем календаре больше событий, чем дней? – И где я только беру эти тупые идеи?! – Погоди, знаю! Ты член женского клуба! Я угадал?

Она смеется, наморщив нос.

– С календарем у меня все в порядке, и я точно не состою в женском сообществе.

– Ну тогда все дело в ревнивом парне, неустанно следящем за тобой? – Что ж, я выбросил свой козырь, потому как мне нужно это услышать: есть ли у нее кто-то. Может, временно? Хотел бы я знать. Хотя сам не знаю, зачем, ведь у меня нет на нее планов; просто любопытно.

Она опускает голову, внимательно изучая мои файлы, хотя в них нет ничего интересного, но мне все равно видно, что она покраснела.

– Нет. Парня нет.

Ура! Именно это я и хотел услышать. Я веду себя просто нелепо! Мне же все равно.

– А как насчет тебя? – спрашивает она. – Девушка есть? – На последнем слове ее голос дрогнул. Я смотрю на нее, желая увидеть ее глаза, но она не поднимает головы.

– Нет. Девушки нет, – отвечаю ей в тон. Она поднимает на меня глаза, и я тут же теряюсь в ее взгляде. Как глупо. – Почему вдруг спрашиваешь? Надеешься воспользоваться шансом? – Ухмыляюсь как полный кретин, потому что не могу удержаться.

Она поморщилась.

– Ну а то!

М-да. Бьюсь об заклад, она смотрит на меня как на клоуна, хотя отчасти так и есть. Ей, наверное, нравятся тощие очкастые ботаники, которые учатся дни напролет и даже не помышляют о сексе. Уж с ними-то она в полной безопасности.

Со мной она в такой безопасности не будет, ведь каждый раз, когда я смотрю на нее, не могу отделаться от мысли, как же она выглядит без одежды.

Черт возьми, Макгваер, остынь! Девчонка не в твоем вкусе.

– У меня есть другая работа, плюс я взяла шестнадцать учебных курсов в этом семестре, да и учеников у меня сейчас больше, чем когда-либо, – поясняет она. – Так что довольно трудно найти время для дополнительных занятий. Уверена, ты тоже очень занят.

Был занят. Но не сейчас, когда мне сократили рабочие часы и временно отстранили от тренировок.

– Уже не так, как на прошлой неделе. Послушай. – Наклонившись вперед, я положил руки на стол, чтобы оказаться поближе к ней и звучать убедительней. – Мне нужно интенсивней заниматься, чтобы вернуться в команду. Я…

– Зачем?

Я откидываюсь назад.

– В смысле?

– Зачем тебе возвращаться в команду?

Потому что я хочу вернуть расположение сестры. Не хочу, чтобы она тревожилась обо мне. И, наверное, если свободного времени совсем не останется, мама наконец сдастся и перестанет преследовать меня. Хотя едва ли это возможно. Моя самая заветная мечта сейчас – чтобы она перестала клянчить у меня деньги.

– Я им нужен.

Она внимательно смотрит на меня, я едва сдерживаюсь, чтобы не отвести взгляд. Я почти уверен, что она мне не верит. Да и какая разница?

– Тогда напиши об этом.

– В смысле? – повторяю свой предыдущий вопрос как попугай.

– Напиши о том, как сильно нужен команде. Это будет первая часть твоего портфолио. – Челси улыбается, явно довольная собой. – И всегда пожалуйста.

Челси

Он потрясно выглядит. Сидит так близко и задает каверзные вопросы, а-ля есть ли у меня парень. В том смысле, что мне неловко об этом говорить. Зачем ему это? Но раз он начал эту тему, я должна ее поддержать, поэтому я задала ему встречный вопрос, якобы желая узнать, насколько он занят.

И вот, пожалуйста! Теперь мне до смерти интересно, есть ли у него постоянные отношения, поскольку он весьма привлекателен, чтобы не иметь девушки. Хотя по части мозгов у него недобор.

Ну ладно-ладно, это не так. Я просмотрела его академическую успеваемость. Столько раз, что уже, наверное, выучила наизусть. Он способный, но неусидчивый. Что-то постоянно отвлекает его, то ли футбол, то ли что-то еще, но он почти не посещал занятия. Пару минут назад он достал из рюкзака свой ноутбук и теперь увлеченно барабанит по клавиатуре. Это была удачная идея – предложить тему для эссе. Он пошел в наступление, пытаясь убедить меня заниматься с ним почаще, хотя ему всего лишь надо просто сосредоточиться и хорошенько поработать.

– Тебе не следует пропускать занятия, – неожиданно говорю я, заставляя его посмотреть на меня поверх ноутбука. – Это напрямую связано с твоей успеваемостью. Чем больше пропусков, тем хуже оценки.

– Мало просто посещать занятия, чтобы улучшить оценки и тем самым вернуться в команду, и ты это знаешь, – говорит он с досадой в голосе. – Однако спасибо за совет.

– Хорошо, – киваю я, вдруг почувствовав себя глупо. Такого раньше со мной не случалось, я же вроде как умная. Напротив, это я часто заставляю людей чувствовать себя глупыми рядом со мной. А вообще меня недолюбливают, считая чем-то вроде ошибки природы со слишком большим мозгом и с прохиндеем отцом.

Тяжело вздохнув, я отбрасываю мысли об отце и закрываю файл Оуэна, вытаскиваю из рюкзака учебник и со стуком кидаю его на стол.

Оуэн даже не отрывает глаз от экрана ноутбука, пальцы ритмично стучат по клавишам; я рада, что он так поглощен работой. Его всего лишь нужно

подтолкнуть в нужном направлении, а там он сам осознает, что ему пора вернуться на путь истинный, пока он все не разрушил.

Он справится. Знаю, он может.

Я открываю учебник и погружаюсь в чтение. Мне неловко, что он все делает сам. Но чем я могу ему сейчас помочь? Все, что ему нужно, – это выполнять задания, а мне – просто подождать, пока он закончит писать. Поэтому, коротая время, я могу делать свои уроки. Точнее, либо заниматься самой, либо без стеснения смотреть, как занимается он.

Я залюбовалась, глядя на него. Он так очарователен, что просто дух захватывает. Он сосредоточен на работе: брови нахмурены, губы поджаты, красивые зеленые глаза прищурены, когда он смотрит на экран, пальцы бегают по клавиатуре впечатляюще быстро. И тут он поднимает глаза, заметив, что я рассматриваю его. Он замер, а я торопливо опускаю взгляд в книгу, хотя не могу теперь разобрать ни строчки, сердце колотится как сумасшедшее.

Некоторое время стука по клавишам не слышно, и я понимаю, что он все еще смотрит на меня. Кажется, что кожа словно пылает огнем от давящей тяжести его взгляда. Нервно поерзав на стуле, я кладу локоть на стол, подпирая щеку кулаком и скрывая лицо от его глаз.

– Должно быть, действительно интересно… – говорит он, чуть растягивая слова. – то, что ты читаешь.

Спрятаться некуда, я как на ладони.

– Угу, просто не оторваться, – бормочу я, хотя понятия не имею, о чем читаю; взгляд затуманен так, что слов не разглядеть. Все, о чем я могу думать, – это Оуэн. И сейчас он наблюдает за мной и дразнит меня, а запах одеколона, мыла, шампуня и всего того, чем он пользуется, только обостряет чувства. При каждом новом вздохе этот пряный осенний запах все сильнее сводит меня с ума.

– О чем книга?

Я по-прежнему не смотрю на него.

– Ты бы лучше о своей книге подумал.

– Извини. – Теперь он раздражен. Отлично. – Просто пытался поддержать беседу.

– Разве тебе не хочется поскорее разделаться с долгами и вернуться в команду? – Наконец я опускаю руку и смотрю на него. Смотрю и вижу, что мои слова подействовали на него.

Ему не стоит тратить время на подтрунивание надо мной, он должен использовать его себе во благо.

– Ты права. – Тяжело вздохнув, он снова начинает печатать, пальцы выстукивают ровный ритм. – Не дай мне сбиться с пути, Челси. Направляй меня в течение нескольких следующих недель или месяцев. Ты мне нужна.

Эти слова затронули чувствительную струну в моей душе, не замолкающую потом до конца занятия. По дороге в свою крошечную квартирку, которую я делю с Кэри, я чувствую, как они пульсируют в крови в такт шагам. Надеюсь, ее нет дома, потому что мне хочется побыть одной, в тишине и покое, наслаждаясь его словами.

Ты мне нужна.

Похоже, я сошла с ума. Парни для меня ничего не значат. От них одно зло. Взять хотя бы моего отца. Он только и делал, что заставлял маму страдать. От мысли, что она продолжает поддерживать его и остается его законной женой, несмотря на всю причиненную ей боль, мне хочется что-нибудь разбить.

Желательно о голову отца.

Я вовсе не драматизирую. Так уж я воспринимаю действительность. У всего есть причина и следствие. Нет никаких оснований для подобной реакции на Оуэна. Я почти ничего о нем не знаю, а то, что знаю, меня нисколько не впечатляет.

Но я хочу его. Хочу любоваться им, узнать его получше. Хочу, чтобы он прикоснулся ко мне. Хочу поцеловать его и узнать, такие ли у него мягкие губы на ощупь, как кажутся с виду. Хочу, чтобы он обнял меня и прижал к себе.

Хочу…

Телефон начинает трезвонить, как только я подхожу к входной двери. Вытащив его из кармана, смотрю, кто звонит, и отвечаю.

– Ты дома?

– Нет, а скоро не будет и тебя. Я еду, чтобы забрать тебя, – весело говорит Кэри; по ее голосу я догадываюсь, что она готова к неприятностям.

– Что происходит? – спрашиваю я, отпирая дверь и входя в квартиру. Тут темно и тихо, идеальное место, чтобы наслаждаться воспоминаниями о встрече с Оуэном.

Кэри полностью рушит мои планы. А ее даже нет дома.

– Нас пригласили выпить. Я познакомилась с двумя милыми парнями в библиотеке, и они предложили встретиться сегодня вечером.

– Кэри, мне не продадут алкоголь, я же еще не совершеннолетняя. – Чувствую, как волна тревоги накрывает меня. Если они предлагают выпить, то, очевидно, они старше нас и, вероятно, уже через минуту общения со мной удерут с дикими воплями. Кэри легка на подъем и любит кокетничать, чего совсем не скажешь обо мне.

– Кто они?

– Не знаю, но они красавчики. Шикарные ребята! Они из братства. – Чувствуя мои сомнения и заранее зная, что я скажу «нет» или придумаю какую-нибудь отмазку, она идет в наступление. – Эй, да мы можем просто пить воду и есть закуски, Челси. Не нужно говорить им, что мы еще малы для алкоголя. – Кэри бормочет что-то непонятное. – Нам нужны с тобой поддельные удостоверения личности, и побыстрее.

Последнее, что я хочу сделать, – это получить поддельные документы. Не хочу никаких проблем с законом.

– Куда они приглашают?

– В «Квартал». – Голос Кэри дрожит от возбуждения. А это заразно. Чувствую, как оно передается мне, несмотря на все мои опасения. – Я ни разу там не была, а ты знаешь, как сильно я хочу там побывать.

Кэри не преувеличивала. В «Квартале» тусуется весь местный бомонд. Кэри отлично туда впишется.

А я? Нет, конечно же, нет.

Я поставила рюкзак на кухонный столик и со вздохом села на диван.

– Не знаю. У меня много…

– Если скажешь, что у тебя много домашки, я побью тебя, – говорит Кэри, и я нисколько не сомневаюсь, что она на это способна. – Ты никогда никуда не ходишь. Ты состаришься и умрешь старой девой, если хотя бы разок не выйдешь в люди. Несмотря на слова твоей мамы и учитывая, что у нее есть основания так говорить, не все парни – вселенское зло. Ты поймешь, что это весело, если пообщаешься с парнем хоть раз в жизни. Пойдем, Челси. – Ее мольбы не пропали даром, я чувствую, что поддаюсь. – Пожалуйста! Ради меня. Будет весело.

Так хочется ей поверить. Я изгой с тех самых пор, как меня перевели из четвертого класса в шестой. Дети постарше попросту не замечали меня, а мои ровесники сочли меня предательницей и больше не хотели иметь со мной дела. С тех пор ничего не изменилось. Кэри единственная, кто общался со мной, даже когда мы были на разных курсах. Вот и сейчас она пытается помочь: устроить мне свидание.

– Хоть раз забудь о своей гиперответственности и просто общайся, веселись, целуйся… – Я начинаю протестовать, но она перебивает меня. – Серьезно. Нет ничего ужасного в том, чтобы познакомиться с парнем, пофлиртовать с ним, переспать, а после расстаться. Все нормально. Это называется молодость.

Проблема в том, что я не знаю, как быть молодой. Всю жизнь на мне лежит груз ответственности, если не за оценки, то за заботу о маме, потому что отец снова

бросил ее.

Я словно сорокалетняя, застрявшая в теле подростка.

– Ладно, – говорю я без восторга. Да и чему тут восторгаться?! Я не хочу никуда идти, но и не хочу, чтобы Кэри на меня злилась. Я никогда не гуляю с ней, вечно либо учусь, либо работаю, либо избегаю реальной жизни, чтобы спастись от лишних страданий. Я предпочла бы запереться в комнате и засесть за уроки, хотя особой нужды в этом нет, нежели пойти повеселиться.

Веселье… пугает меня.

– Ура! Обещаю, ты не пожалеешь. Через час я буду дома. Скажу им, что мы встретимся с ними около девяти. Мы подберем тебе что-нибудь из моего гардероба, и ты будешь выглядеть чертовски соблазнительно. Доверься мне. – Кэри болтает о макияже, прическе и о чем-то еще. Но я не слушаю. Все мои мысли об одном конкретном парне, на которого я действительно хотела бы произвести впечатление, но я для него – лишь пустое место.

Я просто некто, помогающий ему с учебой. Всего лишь безымянный, безликий мозг. Как только он получит желаемое, то тут же забудет обо мне.

Как и все остальные.

Глава 5

«Знайте, тело – всего лишь одежда. Добивайтесь владельца, а не наряда».

– Руми[7 - Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Руми (30 сентября 1207 г., Балх, Государство Хорезмшахов – 17 декабря 1273 г., Конья, Конийский султанат), известный более как Руми или Мевляна, – выдающийся персидский поэт-суфий.]

Челси

Зовут их Тэд и Брэд.

Хотелось бы, чтобы это было шуткой, но, увы, это так. Почему Кэри не предупредила меня? Серьезно? Тэд и Брэд? Совсем не похожи внешне, но члены одного братства. Большие крепкие парни с накачанными руками. Кажется, им даже нравится созвучность их имен, словно это некий трюк для знакомства с людьми, особенно с девушками.

Это так… глупо.

Кэри ведет себя так, словно все чудесно и эта мутная парочка – идеальная компания для нас. Мы нашли парней сидящими в общем зале «Квартала», неподалеку от бара. Кэри сразу подсела к Брэду как более симпатичному из них. Моего мнения никто не спрашивал, вот я и промолчала. У Брэда золотистые волосы, светло-голубые глаза и легкая улыбка (на мой взгляд, слишком легкая).

Мне же достался Тэд. Он был не такой «светлый», как его приятель, во всех смыслах этого слова: внешность, манера держаться, речь… Если яркий и жизнерадостный Брэд пытался всем понравиться, то Тэд был слишком серьезным, буравил всех тяжелым взглядом своих карих глаз и почти не улыбался. Даже спустя два часа «посиделок» он продолжает методично опустошать стакан за стаканом.

И чем больше пил, тем больше расслаблялся. О его «галантности» я вообще молчу. Он то и дело пытался прикоснуться ко мне: дотронуться пальцами до руки или положить ладонь мне на колени. Даже хотел ухватить меня за бедро, но я быстро оттолкнула его руку.

Мало того, что я уже вся издергалась оттого, что сижу в баре, будучи несовершеннолетней, хоть и не пью, так еще каждые пять минут вынуждена сражаться с Тэдом-Осьминогом.

Вечер начинался многообещающе. С Кэри очень весело собираться. Она подобрала мне симпатичную кремовою блузку с рукавом три четверти; передняя планка у нее из хлопка, а рукава и почти вся спина – из кружева. Надев под нее тоненькую маечку, я чувствовала себя смелой и свободной. Словно я – не я.

И мне это нравилось.

Но от моей уверенности не осталось и следа. В отличие от Кэри, которая определенно не собирается уходить, я готова сбежать в любую минуту. Она сидит в обнимку с Брэдом, тот что-то шепчет ей на ухо и трется носом о щеку, заставляя ее хихикать. Он многократно предлагал Кэри пиво, и каждый раз она соглашалась, делая жадные глотки, чему он был страшно рад. Думаю, она уже навеселе.

Это мой козырь, чтобы вытащить нас отсюда.

– Точно не хочешь чего-нибудь покрепче? – спрашивает Тэд, глядя на меня и протягивая свой стакан. Он заказывал не пиво, а крепкие напитки, и я ни за что не стану пить из его стакана.

Я незаметно пытаюсь отодвинуться от него как можно дальше. Мы сидим на низких удобных кушетках в форме подковы. От Брэда и Кэри, сидящих напротив, нас отделяет стеклянный стол.

– Нет, спасибо, – отвечаю тихо; мне неловко отказывать ему, но при этом я дико злюсь, что притащилась сюда.

Никогда больше не поверю Кэри, если она скажет: «О, это будет весело!».

– Черт, – бормочет Тэд, делая большой глоток, и снова смотрит на меня. – Тебе нужно расслабиться.

Однако его замечание возымело обратный эффект. Я еще больше напряглась, сложив руки на коленях, как примерная ученица, коей я и являюсь.

– Думаю, ты уже много выпил, – робко говорю я.

Он усмехается.

– Господи, ты что, маленькая закомплексованная девственница?

Вздрогнув, я отворачиваюсь. Своей грубостью он почти попал в цель, да еще так громко, что это слышала половина зала. Несмотря на шум в баре, громкую музыку и непрерывный гул голосов, несколько человек обернулись в нашу сторону.

Он мне противен.

Игнорируя Тэда, я всеми силами пытаюсь привлечь внимание Кэри. Я вижу, как Брэд притянул ее к себе, обняв за шею, чтобы поцеловать. Если не предприму ничего прямо сейчас, я пропала, поэтому надо действовать быстро: я хватаю кусок льда из своего полупустого стакана и бросаю в нее.

Прямо в яблочко! Кубик льда попадает в грудь, она визжит и смотрит на меня.

– Что? – раздраженно спрашивает она.

Мне не за что ее винить. Я – пай-девочка, она – тусовщица. Я – закомплексованная девственница, она – из тех, кто позволяет едва знакомому парню лапать и целовать себя посреди переполненного людьми бара.

Долгое время нам как-то удавалось улаживать все разногласия, но сегодня я настою на своем. Касательно этого вопроса мы с ней абсолютно несовместимы.

– Мы можем поговорить? – спрашиваю я, понижая голос. – Наедине.

Закатив глаза, она выскальзывает из объятий Брэда, шепнув ему что-то. Не глядя на Тэда, я встаю с места, и мы молча идем с Кэри в уборную.

К счастью, мы одни (просто чудо какое-то!), но я понимаю, что это ненадолго, поэтому быстро выкладываю ей, что собиралась.

– Я ухожу.

– Ни за что. – Она качает головой; гримаса раздражения искажает ее красивое лицо. У Кэри густые волнистые волосы насыщенного каштановые оттенка, карие глаза, меняющие цвет в зависимости от настроения и одежды, безупречная кожа и идеальная фигура. Она настоящая красавица как внутри, так и снаружи.

И она моя лучшая подруга.

Она хотела как лучше, но я ничего не могу с собой поделать. Мне нужно уйти.

– Понимаю, тебе весело и… понравился Брэд, – я понижаю голос, словно боюсь, что те двое в любой момент могут вломиться в дамскую комнату. Нелепо. – Но Тэд… он не в моем вкусе.

Кэри вздергивает брови:

– Почему это?

– Ну, во-первых, он назвал меня закомплексованной девственницей, – зеркально ей я тоже вздергиваю брови.

Кэри вздыхает, качая головой:

– Знаешь, похоже, он прав.

У меня отвисла челюсть. Что-что?

– Послушай меня, – она поднимает руки в примирительном жесте, словно боится, что я кинусь на нее. – Тебе действительно нужно расслабиться, Челси. Знаю, ты испытываешь некие трудности с общением в связи с тем, что ты рано окончила школу и поступила в колледж. Но Тэд прав. Ты действительно закомплексованная девственница.

Вот те раз! Не могу поверить, что Кэри говорит мне это.

– Большое спасибо, – бормочу я, скрестив руки на груди. Прямо как ножом по сердцу. Снова и снова прокручиваю в голове их слова.

Закомплексованная девственница.

Неужели я такая уж закомплексованная? Неужели все смотрят на меня и сразу думают: она девственница? Возможно. Но, наверное, это лучше, чем: она

ботаник!

Понуро опустив плечи, признаю поражение. Нет, не лучше. Я достигла «вершины»: объединила в себе девственницу и заучку. Да обо мне можно фильм снять. А еще отметить наличие папочки, который сидит в тюрьме за мошенничество. Да я просто ходячее реалити-шоу!

– Эй, – она хватает меня за плечи и крепко обнимает, прижимая к себе. Я не обнимаю ее в ответ, а просто стою в неудобной позе и жду, когда она меня отпустит. – Я не хочу обидеть тебя. За два года студенческой жизни ты ни разу не повеселилась и не выкинула чего-нибудь эдакого. Но сейчас я здесь, чтобы помочь тебе раскрепоститься. Ты заслуживаешь этого, Челси. Ты только притворяешься, что живешь, но теперь тебе и правда нужно пожить. Найди себе парня и развлекись с ним.

Но не с придурком по имени Тэд, который дает мне идиотские прозвища.

– С Тэдом ничего не выйдет. Я хочу домой.

Кэри отстраняется и выглядит несчастной.

– Ты не можешь оставить меня здесь одну.

Меня накрывает чувство вины. Когда-то мы с Кэри договорились, что никогда не бросим друг друга на вечеринках, в общежитии… нигде.

– Я надеялась, ты поедешь со мной домой.

Разве она не понимает, что делает? Она приехала сюда с парнем, с которым встречалась со старших классов, а затем он понял, что мир – нечто большее, чем он и Кэри, и расстался с ней. А теперь она сама спешит упасть в объятия первого встречного, который собирается просто развлечься с ней. Не понимаю.

Клянусь, порой я чувствую себя единственным разумным человеком во всем колледже.

– Ты серьезно? Еще и полночь не наступила!.. – Она разглядывает интерьер уборной, словно предпочитает смотреть на что угодно, только не на меня. – Пошли, Челси. Мне очень нравится Брэд, и похоже, что я нравлюсь ему. Я не собираюсь уходить так рано, ночь обещает быть интересной. Я хочу остаться.

Что ж, она не оставила мне выбора.

– Хорошо. Я ухожу. С Тэдом объяснишься сама.

Я вылетаю из уборной, не оглядываясь, даже когда слышу, что Кэри кричит мне вслед. Пробираясь через переполненный бар, двигаюсь к выходу по короткому коридору, ведущему в фойе в передней части ресторана. Справа обеденный зал, но он почти пуст, так как сегодня понедельник.

Но в студенческом городке день недели неважен, когда дело касается бара.

Он всегда полон.

Толкаю тяжелую дверь и выхожу в промозглую осеннюю ночь. Я совсем забыла о верхней одежде, и холод моментально пробирается под тоненькое кружево блузки. Дрожу всем телом, соображая, как бы вернуться домой.

Обычно мы с Кэри ходим пешком, даже на далекие расстояния. Знаю, что глупо, но вдвоем не так страшно, как одной. Но сегодня я одна и ни за что не решусь на пешую прогулку. Поездка на такси, конечно, ударит по карману, да и ждать его придется долго, но выбора у меня нет.

Только я достала телефон, чтобы заказать такси, как услышала, что кто-то зовет меня по имени. Оборачиваюсь и вижу Тэда.

Отлично.

– Эй. – Он подходит ко мне, я вижу беспокойство в его глазах. Может, я в нем ошиблась. – Ты в порядке?

Я натянуто улыбаюсь и лепечу что-то про то, как я устала и мне нужно домой.

– Хм, извини за то, что я сказал. Он переминается с ноги на ногу, избегая смотреть мне в глаза. – Вел себя как придурок.

– Ладно. Все в порядке. – Хочется врезать самой себе за такую наглую ложь. Конечно же, я не в порядке.

– Значит, уходишь?

Киваю и снова смотрю в телефон. Нужно вызвать такси, чтобы избавиться от Тэда. Теперь он ведет себя подозрительно мило, но я ему не доверяю.

Я никому не доверяю.

– Могу отвезти тебя домой, – предлагает он.

Поднимаю голову и пристально смотрю на него. Он выглядит искренним, но в его взгляде есть что-то нехорошее… что-то мрачное и опасное.

Хм, поехав с ним, мне не придется тратиться на такси, но я не хочу рисковать. Рядом с Тэдом мне не по себе. Он явно что-то задумал, это видно по его лицу.

– Спасибо за предложение, но я вынуждена отказаться.

В ответ на мою вежливую улыбку он только хмурится.

– Не хочешь поехать со мной?! Весь вечер относилась ко мне как к пустому месту, не сказала мне и десяток слов, а теперь отказываешься сесть со мной в одну машину? Да какого черта? Думаешь, ты слишком хороша для меня? – выдает мне Тэд.

Я в шоке. Слишком хороша для него? О чем он говорит?

– Не хотела тебя оскорбить…

– Поздно, – перебивает он, хватая меня за руку так сильно, что я вскрикиваю. – Но ты можешь все исправить, если позволишь отвезти тебя домой.

Ни за что! Не хочу, чтобы придурок знал, где я живу.

– Пусти меня, – говорю я, пытаясь вырваться, но он держит меня так крепко, что, боюсь, останутся синяки.

– Да ладно, Челси. Расслабься! Хватит уже строить из себя недотрогу. – Такой Тэд пугает меня даже больше, нежели тот, каким он был в баре. – Давай повеселимся.

Не о таком веселье мы договаривались с Кэри.

– Тэд, пожалуйста…

– Отпусти ее.

Знакомый бархатный голос звучит позади меня, я поворачиваюсь и с удивлением обнаруживаю Оуэна Макгваера, угрожающе смотрящего на Тэда. Пьянящее чувство облегчения накрывает меня теплой волной, потому что Тэд ослабляет свою мертвую хватку. Я чуть было не потеряла равновесие, когда он отпустил мою руку.

– Мне не нужны неприятности, – говорит Тэд, подняв руки в примирительном жесте и не сводя с Оуэна глаз.

– Проваливай, и у тебя их не будет, – прорычал Оуэн, приближаясь к нам и продолжая буравить Тэда тяжелым взглядом.

Ого. Никто никогда не бросался так рьяно на мою защиту. Оуэн просто воплощение угрозы: тело напряжено, кулаки крепко сжаты, губы стянуты в тугую нить, ледяной взгляд из-под нахмуренных бровей не сулит ничего хорошего. Тэд поворачивается и проворно уходит, к моей великой радости.

С облегчением вздохнув, я поднимаю глаза и понимаю, что Оуэн смотрит прямо на меня.

– Спасибо, – прошептала я, злясь на себя, потому что это прозвучало, словно я какая-то глупышка.

Впрочем, так и есть. Но едва ли я в этом признаюсь.

– Что ты здесь делала с этим парнем? – спрашивает он сердито. Это так возбуждает.

Ярко-зеленые глаза гипнотизируют, а когда он полностью разворачивается ко мне, его широкие плечи закрывают собой весь обзор. Боже, он такой высокий! Я откидываю голову назад, пытаясь подавить волну желания, возникающую, когда он рядом. Мой мозг отказывается работать всякий раз, когда я с ним.

– Э-э-э, он со своим приятелем пригласил меня и мою подругу выпить, – объясняю я и вижу, как его глаза округляются от удивления.

– Разве ты совершеннолетняя? – недоверчиво спрашивает он.

– А ты? – Я отклоняюсь назад. Боже, да он нервничает. Что же происходит?

– Я работаю здесь, а не пытаюсь незаконно проникнуть внутрь, чтобы выпить. – Он говорит с осуждением, но я вижу, что он взволнован. Держу пари, он не раз проделывал то же самое, хотя, очевидно, не здесь, раз, как он утверждает, он тут работает.

– И где же подруга?

– Внутри, – я машу рукой в сторону двери.

– Она не пошла с тобой? – он качает головой. – Странная подруга.

– Эй, полегче! Кэри – моя лучшая подруга. – Точнее, единственная.

– Да брось! Я думал, лучшие подруги заботятся друг о друге.

Этими словами он задел меня за живое.

– Сейчас в этом нет необходимости. – Резко выдохнув, я вскидываю голову. Может быть, мой отец и потерял все наши деньги, а затем бросил нас и угодил в

тюрьму, но я все еще могу изображать из себя надменную богатую девицу, когда очень нужно.

Мне вспомнились слова Тэда. Не веду ли я себя так, словно слишком хороша для Оуэна? Я как будто защищаюсь от него. Почему он сильно волнует меня? Такой расклад меня просто бесит. Ни один парень никогда не имел надо мной подобной власти. И вот теперь я стою разгоряченная, обеспокоенная, трясущаяся мелкой дрожью из-за кого-то.

– Давай начистоту, – говорит он. – Как ты доберешься домой?

– Как-нибудь.

– Как? – он недоверчиво хмыкает, но я ничего не могу с собой поделать.

– Вызову такси. – Я снова открываю телефон и ищу такси. – Спасибо, что помог, – добавляю я. Ведь я всегда такая вежливая, правильная и никогда не совершаю недостойных или глупых поступков. Боюсь попасть в неприятности и не схожу с проторенной дорожки.

– Челси. – Он выхватывает телефон из моей руки, и я, охнув, поднимаю голову. Что он себе позволяет? Пытаюсь отобрать у него телефон, но он держит его над головой. Как глупый ребенок, я подпрыгиваю и пытаюсь выхватить трубку. Он смеется, и, учитывая обстоятельства, это звучит мрачновато. Да что со мной не так?!

Я чувствую… головокружение. Не подмешал ли Тэд что-нибудь в мою воду или колу? Все как-то неправильно. Когда Оуэн рядом, у меня кружится голова и по телу бегут мурашки. На нем белая чуть помятая рубашка: видимо, денек был не из легких – и черные брюки. Выглядит мило.

Ладно-ладно. Не просто мило. Он великолепен. Сексуален. Никогда не думала, что парни могут быть сексуальны, но Оуэн именно такой.

И, возможно, именно в этом и заключается моя проблема.

Оуэн

Держу телефон над головой, потому что мне нравятся ее попытки заполучить его назад. Ее грудь соблазнительно подпрыгивает вместе с ней, и, хотя огромной ее не назовешь, она вполне прилично выглядит. На ней красивый кружевной наряд, не выставляющий кожу напоказ, а делающий ее невероятно привлекательной.

А попка – просто мечта. У меня внутри все трепещет от одного только вида: вверх-вниз, вверх-вниз, она плавно движется с каждым прыжком.

Да. Мне явно не хватает секса, раз уж меня заводит ее задница.

– Отдай телефон. – Она, кажется, чертовски зла, но при этом выглядит мило.

– Нет, пока не согласишься, чтобы я отвез тебя домой.

Я не собираюсь оставлять ее тут в ожидании такси, когда сам могу подвезти; и вовсе не потому, что хочу побыть с ней. Она – последний человек, которого я ожидал тут встретить, да еще в компании какого-то придурка с загребущими руками. Совершенно измотанный, я закончил смену и собирался вернуться домой и рухнуть в кровать, как появилась она, вся такая соблазнительная, в узеньких джинсах, подчеркивающих длинные ноги, и… Уф, я помотал головой. Мне нужно избавиться от мыслей о ее заднице.

– Ладно, я согласна. – Похоже, она всерьез рассержена. – И отдай телефон.

– Не раньше, чем отблагодаришь меня за поездку. – Мне нравится играть с ней. Со мной такого уже давно не было. Последнее время я словно комок нервов. Все от меня чего-то хотят, я просто разрываюсь. Порой просто не могу держать себя в руках.

Она уперла руки в бока:

– Да ты еще даже не подвез меня.

– Знаю, – усмехаюсь я, заставляя ее нахмуриться еще больше. Интересно, она ненавидит конкретно меня или всех парней вообще?

– Тебе это не понравится, но сперва нам придется пойти ко мне домой, взять машину, и только тогда я смогу отвезти тебя.

– Погоди. Твоя машина не здесь?

– Я живу в двух шагах отсюда, так что хожу на работу пешком, – пожимаю плечами.

Все думают, что я чокнутый, ведь не секрет, как я попал в «Квартал», тем более что там работала моя сестра. Народ не понимает, зачем я вообще работаю и к тому же скрываю, что новая суперзвезда НФЛ Дрю Каллахан – мой зять. Это не по мне. Жизнь напоказ приносит одни проблемы. Боюсь представить, какой ненасытной станет мама, если я вдруг стану вести себя как крутой парень.

Ее молчание я воспринимаю как знак согласия.

– Готова прогуляться?

Разворачиваюсь и иду, а она семенит рядом со мной. По дороге мы оба молчим. Я живу прямо в центре города, среди старых домов, а также резиденций братства и женского клуба, да и до студенческого городка рукой подать. Идеальное место для меня. Фэйбл думает, что я сумасшедший, ведь она в свое время натерпелась от местных парней, в частности от таких типов, с которыми я сейчас вожусь.

Дрю разорвал этот замкнутый круг. Он ее герой. Когда-то он был и моим героем.

Я смотрю на Челси. На один мой приходится пять ее шагов, иначе она отстанет от меня. Она наклонила голову, сражаясь с порывами ледяного ветра, и обхватила себя руками, чтобы согреться.

Как же хочется обнять ее за плечи и прижать к себе, ведь мне чертовски жарко после напряженной ночки, но я сдерживаюсь. Во-первых, от меня, наверное, разит потом, хотя я и не стараюсь произвести на нее впечатление, а во-вторых,

она, вероятно, вдарит мне в пах, если попытаюсь дотронуться до нее.

И не за что будет ее винить. Тот долбаный идиот был с ней груб. Кто знает, что случилось бы, не появись я там?

– Спасибо, что спас меня от Тэда, – говорит она мягким голосом.

Она просто читает мои мысли.

– Не за что.

– Я вообще не хотела сюда идти, – продолжает она. – Это была идея Кэри. Она оставила меня с Тэдом, а он оказался настоящим придурком.

Это еще слабо сказано. Парень – просто полный кретин.

– А может, не стоит оставаться наедине с парнем, которого совсем не знаешь?

– Однозначно, – бормочет она. – Хотя это единственный способ знакомиться с парнями.

– А как насчет тех, с кем занимаешься? – Нет, вы только послушайте! Как последний дурак пытаюсь выведать, как она знакомится с парнями. Мне это должно быть безразлично. Мне не следует к ней привязываться. Все, что мне нужно, – это найти горячую девочку с классной задницей и развлечься с ней.

Нужно выкинуть Челси из головы и больше не думать о ней. Не знаю, сработает ли это. Меня не особо привлекает мысль переспать с первой попавшейся девчонкой.

– Ну, тех, с кем занимаюсь, я воспринимаю как… работу. – Она смотрит на меня, и наши глаза встречаются. Я не отвожу взгляда. – Обычно, – добавляет она, чуть закусив нижнюю губу.

Хорошо. Сделаю вид, что этого не слышал, поскольку мое тело просто поет, словно она прошептала: «Возьми меня, Оуэн».

– Что значит «обычно»?» – спрашиваю я с притворным интересом.

Пожав плечами, она отводит взгляд в сторону.

– Не знаю.

Я не стал дальше допытываться, просто понадеялся, что она имела в виду меня. Почему, сам не знаю. Я засунул руки в карманы и замедлил шаг, рассматривая ее. Через кружево видно кожу, хотя она прикрыта большей частью майки. Джинсы – даже не буду больше комментировать ее ноги и задницу, потому что, блин… тут нечего добавить.

Длинные прямые темные волосы рассыпаны по плечам. Они выглядят мягкими, и мне хочется к ним прикоснуться, намотать эти шелковистые пряди на пальцы и сжать в момент, когда накрою ее губы своими. Отвести ее голову назад, чтобы пройтись губами по горлу и ощутить биение ее пульса…

– Нам прямо?

Ее мягкий голос прерывает поток моих похотливых мыслей, и я растерянно моргаю, понимая, что остановился на перекрестке.

– Налево, – резко отвечаю я. – Мой дом третий слева.

Молча она следует в указанном направлении, и я позволяю ей пройти вперед, любуясь видом сзади. Что ж, будем смотреть правде в глаза: я запал на репетиторшу. Она не в моем вкусе. Я едва ее знаю. Но мое тело чертовски хочет ее узнать.

И это глупо, конечно, потому что такие мысли сулят мне лишь неприятности.

Когда мы приближаемся к дому, меня охватывает паника.

Свет горит в каждом окне, слышны музыка и громкие голоса.

Проклятый Уэйд устроил вечеринку.

Просто замечательно.

– Хм. – Челси останавливается и поворачивается ко мне. – Это твой дом? – Она указывает прямо, и я вижу Деза с какой-то девицей, которые сидят на крыльце и раскуривают косячок.

Отстой.

– Да, – отвечаю я сквозь зубы. – Похоже, мой сосед решил развлечься.

– Ничего себе развлечься, – бормочет Челси, переминаясь с ноги на ногу. Видимо, нервничает.

– Пойдем, – киваю в сторону входной двери. – Я только возьму ключи, и уберемся отсюда.

Машина припаркована на улице, прямо перед домом. Гаража у нас нет, а сам дом старый и маленький. Внутри я сделал хороший ремонт, когда переехал сюда вместе с Уэйдом. Мы дружим всю жизнь. Я не мог бросить его. Я даже не прошу его платить за аренду.

Это все благодаря Дрю: он купил дом, а также заплатил за все остальное. Когда-нибудь я хотел бы достичь его уровня, быть сильным и независимым.

Но курение травки с мамой, чрезмерное употребление пива и бесконечные вечеринки уж точно не помогут мне реализовать этот план.

– Нет, я подожду снаружи, – говорит Челси, топчась на месте.

Я раздосадован, что ей так неуютно.

– Уверена? – Не хочу давить на нее. Жаль, что я так поздно увидел, как тот кретин схватил ее; и вести себя так, как он, точно не стану.

Она кивает, поднимая голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Может, и не…

– Эй, Макгваер! Кто эта красотка? – кричит Дез с крыльца.

Стараясь извиниться перед ней взглядом, отвечаю ему:

– А разве тебе интересно?

– Да ладно, не темни. Веди сюда свою новую девчонку и представь ее нам должным образом, – орет Дез, ехидно улыбаясь.

– Проклятье, – я провел рукой по волосам, а затем опустил руку. – Не возражаешь? Дез безобиден, а вот девушку я вижу впервые.

– Он не узнает меня? – она неуверенно улыбается мне и пожимает плечами. – Как ты собираешься меня представить?

– А как ты хочешь? – спрашиваю я в ответ.

Она морщится.

– Не знаю, скажи, что мы друзья.

Я долго смотрю на нее перед тем, как ответить:

– Тогда они могут подумать, что я трахаюсь с тобой.

Челси застывает с открытым ртом:

– Серьезно?

– Они считают, я трахаюсь с каждой девушкой, которую привожу домой. – И, разумеется, я сам дал им повод.

И тут она вздрагивает.

– Тебе обязательно каждый раз говорить это?

– Что? Трахать?

– Да, – она смутилась. – Это так…

– …чертовски грубо! Да? – Смотрю на нее и смеюсь. Ничего не могу с собой поделать. – Прости. Пойдем знакомиться. И будь готова. Отключи уши или что-то в этом роде, потому что Дез матерится как сапожник.

Глава 6

«Разум, открывающий новую идею, никогда не возвращается в прежние рамки».

– Альберт Эйнштейн[8 - Альберт Эйнштейн (14 марта 1879 г., Ульм, Вюртемберг, Германия – 18 апреля 1955 г., Принстон, Нью-Джерси, США) – физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года, общественный деятель-гуманист, автор более чем 300 научных работ по физике, а также около 150 книг и статей в области истории и философии науки, публицистики и др.]

Челси

Забавно, что когда я была в баре с лучшей подругой, то чувствовала себя ужасно. Беспомощной. Потерявшей контроль над ситуацией.

А теперь я стою с парнем, которого едва знаю, в доме, где никогда раньше не была, где веселится толпа шумных незнакомцев, большинство из которых либо пьяны, либо под кайфом, либо и то и другое, и мне ни капельки не страшно.

Это потому, что я с Оуэном. Рядом с ним я чувствую себя в безопасности. Иду с ним к крыльцу и смотрю на его друга Деза. Оуэн прав. Парень выглядит

совершенно безобидно: глупая улыбка на лице и банка пива в руке, в которую он вцепился как в спасательный круг. Девушка сидит как приклеенная к нему: вся такая фигуристая, крашеная блондинка с кроваво-красными губами и ослепительно-белыми зубами. Она сверлит меня взглядом, а потом просто перестает замечать.

Отлично. Уже ненавидит меня. Ну, я тоже от нее не в восторге.

– Дез, какого черта здесь происходит? – спрашивает Оуэн, остановившись у крыльца. Я шла прямо за ним, но теперь делаю шаг в сторону, чтобы не казалось, что я прячусь. Я не позволю этой вульгарной девице запугать себя.

– Не знаю, я вот пью дрянное пиво и курю травку, – спокойно говорит Дез, словно ничто в мире его не волнует, и это, вероятно, так и есть. Узнаю его. Он был с Оуэном в ту ночь в закусочной. – Присоединяйся, брат. Выглядишь немного напряженным. Сначала Уэйд пригласил меня, а потом мы решили позвонить друзьям. Подумали: с чего это тебе быть против?! Вот и ты пришел не один, – Дез указывает на меня банкой пива.

– Угу, ясно. – Оуэн снова проводит рукой по волосам. Я заметила, он делает так, когда злится. Выглядит одновременно небрежно и сексуально, так что хочется схватить его, наклонить голову и поцеловать.

Стоп. Да что со мной такое? Откуда эти мысли?

– Итак, кто же твоя гостья на нашей безумной вечеринке? Симпатяга.

Дез широко улыбается мне. Он милый. Короткие темные волосы, теплые карие глаза с покрасневшими от курения белками.

Вероятно, из-за облака дыма, все еще парящего над ним, он не узнает меня.

– Э-э-э, Челси, – коротко отвечает Оуэн. Он машет в мою сторону рукой, словно я не ахти какая важная птица. Это немного задевает, но не стоит на этом зацикливаться. Он просто пытается не заострять на мне внимание, тут не в чем его винить. Я просто репетитор и не имею для него особого значения.

– Привет, – я улыбаюсь Дезу, а затем его блондинке, но более скованно.

– Марси, – Дез бросает на блондинку похотливый взгляд, который она с удовольствием возвращает. – Мы только сегодня познакомились, но мы уже большие друзья, верно, Марси? – Она не отвечает.

– Обалдеть, – бормочет Оуэн, резко кивая головой. – Мы зашли за ключами. Нужно отвезти Челси домой.

– Домой? Уже? Но вечеринка только началась. Расслабьтесь: выпейте пива, покурите травки. Или перепихнитесь, это тоже расслабляет. Как угодно! – Дез смеется в ответ на полный отвращения взгляд Оуэна. – Парень, с каких пор ты стал занудой?

Оуэн молчит, но я улавливаю некий скрытый смысл в только что услышанном. Однако мало что понимаю. Я ничего не знаю о нем, кроме его успеваемости и тех жалких крох информации, которые почерпнула из нашего непродолжительного общения.

Мы заходим в дом, полный табачного дыма, народа и грохочущей музыки. Особенно людно на кухне, где все пьют пиво из банок или пластиковых стаканчиков. А на кухонном столе стоит целый бочонок! Любопытно, насколько спонтанной была вечеринка. Относительно алкоголя я полный профан. Понятия не имею, легко ли раздобыть целый бочонок пива.

Кажется, все в комнате с интересом смотрят на меня, задаваясь вопросом, откуда я взялась. Что ж, это вполне естественно: меня они не знают, но, уверена, с Оуэном хорошо знакомы. В конце концов, они в его доме. А я просто глупая девчонка, которая делает вид, что знает, что значит быть молодой, легкомысленной и беззаботной.

Девчонки сверлят меня взглядом, их парни пялятся. Я чувствую себя под прицелом, а Оуэн… Он тут господин, и если бы они могли, то поклонились бы ему и поблагодарили бы за то, что он наконец-то вернулся домой.

Тяжело вздохнув, я выкидываю из головы грустные мысли и стараюсь не отстать от Оуэна, потому что чем дальше мы продвигаемся вглубь дома, тем больше становится гостей. Когда он хватает меня за руку и притягивает поближе к себе,

я чуть не задыхаюсь от неожиданности. Наши пальцы переплелись, и я всячески стараюсь унять бурю эмоций, вызванную его прикосновением, но не могу. Клянусь, у меня подгибаются колени.

Он притягивает меня еще ближе, и мне кажется, что я сейчас умру. Я тону в его запахе: осень, пот и слабое напоминание о работе в ресторане.

– Ключи в моей комнате, – кричит он мне в ухо, потому что музыка просто оглушительна. – Просто держись рядом, мы заберем их и сразу уйдем отсюда.

Коротко киваю и улыбаюсь ему, а он – мне. Я стараюсь унять свое сумасшедшее сердце, которое заходится в бешеном стуке. Влечение, которое я испытываю к своему сумасбродному подопечному, неприемлемо.

Оуэн крепче сжимает мои пальцы и ведет меня через толпу по короткому темному коридору, останавливаясь у самой дальней двери. Открывает ее и заглядывает внутрь, вероятно, проверяя, есть ли там кто-нибудь, а затем заходит, не оставляя мне выбора, кроме того, чтобы следовать за ним, потому как все еще держит меня за руку.

Отпустив наконец его ладонь, я оглядываюсь, стараясь все рассмотреть, пока Оуэн ищет ключи. Пустые стены и самая обычная мебель, хотя кровать, застеленная терракотовыми простынями, огромная. Я отступаю от кровати, вдруг занервничав. Сколько девушек было здесь до меня?

Ух. Даже боюсь представить.

Я наедине с Оуэном в его спальне. Будь я посмелее, то не упустила бы возможность по крайней мере поцеловать его. Хотя сильно сомневаюсь во взаимности. Не думаю, что нравлюсь ему. Он всего лишь пытается быть милым. Наверное, он просто пожалел свою бедную репетиторшу, когда увидел, как ее домогаются в ресторане, где он работает.

– Вот отстой! – ворчит он, опускаясь на колени и начиная рыться в куче одежды, сваленной на стуле. – Постоянно теряю ключи.

– Помочь? – спрашиваю я как хорошая девочка, всегда предлагающая помощь всем нуждающимся. Боже мой, порой я раздражаю саму себя.

– Все в порядке. Они, наверное, в кармане джинсов. Там я их обычно и нахожу.

Я подхожу к комоду и осматриваюсь. Вот зеркало, кружка, наполненная на четверть, и небольшая пиалочка, заполненная мелочью. А еще зажигалка, помятая выцветшая долларовая купюра и фотография в рамке. Беру ее в руки и рассматриваю. На снимке очень симпатичная девушка со светлыми волосами и такими же, как у Оуэна, зелеными глазами. На ней свадебное платье. Она улыбается в объектив и обнимает Оуэна. Он тоже смотрит прямо и так мило улыбается, что у меня перехватывает дыхание. Парень в костюме жениха смотрит на невесту как на самое прекрасное, что видел в жизни.

Чудесное фото, полное любви и радости. Судя по всему, это сестра Оуэна, поскольку они очень похожи. Да и парень мне смутно знаком.

– Это моя сестра с мужем. – Оуэн стоит прямо за мной; он так тихо подошел, что теперь мне неловко, что меня застали за разглядыванием личного фото. Я осторожно ставлю рамку на место.

– Парень выглядит знакомым, – говорю я, развернувшись лицом к Оуэну.

Он стоит так близко, что я чувствую тепло его тела, которое действует на меня как магнит. Я просто теряю над собой контроль.

– Это Дрю Каллахан.

Ох! Я уставилась на Оуэна. Живая легенда прямо здесь?! Все то и дело говорят о Дрю Каллахане, особенно сейчас, когда он продолжил играть в НФЛ. Значит…

– Серьезно? Твой зять – профессиональный футболист? – я разинула рот от удивления.

– Да. Думал, ты знаешь. Все знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Bay Area. Район залива в Сан-Франциско, Калифорния.

2

49ers, Сан-Франциско – профессиональная команда по американскому футболу. С 1988 года базируется в Санта-Кларе.

3

Сильвия Плат (27 октября 1932 г., Джамейка-Плейн, Бостон, Массачусетс, США – 11 февраля 1963 г., Лондон, Великобритания) – американская поэтесса и писательница, считающаяся одной из основательниц жанра «исповедальной поэзии» в англоязычной литературе.

4

Уолнат-Крик – город в округе Контра-Коста. Область залива Сан-Франциско штата Калифорния, США. Уолнат-Крик находится в 37 км (23 миль) на восток от Сан-Франциско и в 26 км (16 милях) от города Окленда.

5

Конкорд – самый крупный город в округе Контра-Коста, штат Калифорния, США.

6

Уэйн Даейер, д-р (10 мая 1940 г., Детройт, Мичиган, США – 29 августа 2015 г., Мауи-Кантри, Гавайи, США) – американский писатель, преподаватель, лектор, пропагандист саморазвития.

7

Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Руми (30 сентября 1207 г., Балх, Государство Хорезмшахов – 17 декабря 1273 г., Конья, Конийский султанат), известный более как Руми или Мевляна, – выдающийся персидский поэт-суфий.

8

Альберт Эйнштейн (14 марта 1879 г., Ульм, Вюртемберг, Германия – 18 апреля 1955 г., Принстон, Нью-Джерси, США) – физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года, общественный деятель-гуманист, автор более чем 300 научных работ по физике, а также около 150 книг и статей в области истории и философии

науки, публицистики и др.

Купить: https://tellnovel.com/monika-merfi/chetyre-goda-spustya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити